

Эта дерзкая, брутальная, блестящая политическая авантюра придется по вкусу поклонникам «Игры престолов» и «Дюны».

Booklist

РАЗОРВАННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Лауреат премии «Локус» за лучший научно-фантастический роман
Финалист премии «Хьюго» в номинации «Лучший роман»

ДЖОН СКАЛЬЦИ

Звёзды новой фантастики

Джон Скальци

Разорванное пространство

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Скальци Д.

Разорванное пространство / Д. Скальци — «Азбука-Аттикус»,
2020 — (Звёзды новой фантастики)

ISBN 978-5-389-19190-7

Представители знатных родов Священной империи Взаимозависимых государств и Торговых гильдий наконец-то начинают осознавать доказанный учеными факт, что течения Потока, связывающего воедино миры Вселенной, иссякают и связи между обжитыми планетами скоро будут оборваны. Но вместо того чтобы думать о спасении населения всех миров, имперская знать озабочена лишь двумя проблемами: как ей спастись самой, эмигрировав на планету Край, единственно приспособленную для жизни, и как отстранить от власти законную правительницу империи, призывающую к совместным действиям ради выхода из губительной ситуации. И в борьбе за спасение человечества императрица Грейланд Вторая решается на последний шаг... «Разорванное пространство» завершает новую масштабную космооперу от одного из ярчайших на сегодняшний день мастеров мировой фантастики. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-19190-7

© Скальци Д., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Пролог	7
Книга первая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Джон Скальци

Разорванное пространство

John Scalzi

THE LAST EMPEROX

Copyright © 2020 by John Scalzi

All rights reserved

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов, Ethan Ellenberg Literary Agency (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

© К. П. Плешков, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Это дерзкая, брутальная, блестящая политическая авантюра придется по вкусу поклонникам «Игры престолов» и «Дюны».

Booklist

Джон Скальци – один из тех авторов современной НФ, кто пишет и увлекательно, и легко.

Джо Хилл

Политический сюжет, щедрые доли сарказма, головоломки и драйва... Скальци по-прежнему невыносимо хорош на своем поле, где юмор прекрасно уживается с умной приключенческой фантастикой.

Kirkus Reviews

Скальци – один из самых блестящих авторов, которых рождала на свет фантастика.

The Wall Street Journal

* * *

Джон Скальци – американский писатель и критик, в 2006 году получил премию Джона В. Кэмпбелла в номинации «Лучший новый автор», в 2013-м – премию «Хьюго» в номинации «Лучший роман» за «Людей в красном». Финалистом этой же премии был его дебютный роман «Обреченные на победу». Также он удостоен премии журнала «Romantic Times», японской премии «Суйюн» (аналог американской «Небьюлы»), немецкой премии Курта Ласвица за лучший иностранный роман и израильской премии Геффена. Его сетевой журнал «The Whatever» – один из самых читаемых в современной НФ. Скальци родился и вырос в Калифорнии, учился в Чикагском университете, живет на юге штата Огайо.

* * *

Женщинам, которые разгребают чужое дерьмо

Пролог

Самое забавное, что Грени Нохамапитан, временный герцог Края, в самом деле успел увидеть врезающуюся в его аэрокар ракету «земля – воздух» за секунду до попадания.

Он договаривался с Блэйном Турнином, как-теперь-стало-ясно-не-слишком-хорошо-справлявшимся-со-своими-обязанностями министром обороны, насчет тайной встречи, которая должна была у них состояться с повстанческой группировкой, пообещавшей занять сторону герцога в продолжающейся гражданской войне. Поворачиваясь к Турнину с очередной репликой, Грени боковым зрением заметил яркую вспышку, привлекающую его внимание к толстому стеклу по левому борту машины, за которым внезапно отчетливо возникла вышеупомянутая ракета «земля – воздух».

«Мне кажется, это ракета», – собирался сказать Грени, но успел произнести только «мне», а точнее, первую фонему этого короткого слова, прежде чем ракета врезалась в аэрокар и все в полном смысле этого слова полетело к черту.

За последовавшую долю секунды, в течение которой аэрокар внезапно изменил ориентацию по нескольким осям сразу, превратив непристегнутого Блэйна Турнина в ошеломленный мясистый пинбольный шарик, мечущийся среди стенок пассажирской кабины, в мозгу Грени Нохамапитана, временного герцога Края, одновременно сформировалось несколько мыслей, которые вместо того, чтобы возникнуть последовательно, наложились друг на друга, словно та часть мозга Грени, что отвечала за его высшую нервную деятельность, решила немедленно сбросить балласт, предоставив Грени возможность разобраться в случившемся позже, если это «позже» будет вообще, что выглядело все более вероятным, учитывая безвольно болтающуюся на шее голову Блэйна Турнина.

Возможно, проще описать эти мысли с точки зрения той процентной доли, которая им отводилась в сознании Грени.

Для начала: «Черт мать твою вот дерьмо твою мать черт блин... проклятье!», которая занимала примерно восемьдесят девять процентов внимания Грени, что было вполне понятно, если учесть, что его аэрокар начал вращаться и терять высоту.

На отдаленном втором месте, примерно с пятью процентами, стояло: «Откуда повстанцы знали, мы же договорились об этой встрече всего час назад, даже я не знал, что буду именно в этой машине, и где, мать твою, все эти противоракетные контрмеры, я же глава исполнительной власти всей планеты, идет гражданская война, моей службе охраны следовало бы проявить себя получше». Честно говоря, в данный момент эта мысль требовала от мозга Грени чрезмерного напряжения, и мозг решил оставить ее без ответа.

Третьей, занявшей, может, четыре с половиной процента внимания Грени, была мысль: «Похоже, мне нужен новый министр обороны». Судя по тому, что тело Блэйна Турнина приобрело форму, которую нельзя было описать иначе как «весьма замысловатый крендель», мысль эта, вероятно, была верна и в дальнейшем обдумывании не нуждалась.

Оставалась еще четвертая мысль, которая хоть и претендовала лишь на жалкие остатки внимания и мыслительных способностей Грени, тем не менее возникала у Грени и раньше, и притом весьма часто – достаточно часто, чтобы утверждать, что во многих отношениях она определила жизнь Грени Нохамапитана и сделала его тем человеком, которым он теперь был, а если конкретнее – человеком, ставшим пленником как гравитационных, так и центробежных сил. И мысль эта была такова: «Почему я?»

И действительно – почему именно Грени Нохамапитан? Какие превратности судьбы привели его к этому мгновению жизни, когда его в буквальном и в переносном смысле закружило в чудовищном водовороте и все, что он мог, – изо всех сил стараться не наблевать на почти гарантированный труп его теперь-весьма-вероятно-бывшего министра обороны?

То был многомерный вопрос, подразумевавший несколько значимых ответов.

а) Он родился;

б) в благородном семействе, амбиции которого простирались вплоть до правления Взаимозависимостью, существовавшей уже тысячелетие империей звездных систем;

в) которые были соединены посредством Потока, некоего явления, суть которого Грени не понимал, но которое работало как сверхбыстрая связь между звездными системами Взаимозависимости;

г) с которых собирали налоги и которыми управляли имперо, правившие из Ядра, системы, через которую в конечном счете проходили почти все течения Потока;

д) точнее, вплоть до некоего момента в ближайшем будущем, когда в Потоке произойдет некое великое смещение, после чего почти все пути будут вести через Край, в настоящее время наименее доступную систему Взаимозависимости;

е) именно потому сестра Грени, Надаше, хотела, чтобы кто-то из Нохамапитанов узурпировал власть у правящего герцога, но сама она сделать это не могла, поскольку была слишком занята попытками выйти замуж за Реннерета Ву, наследника имперского трона, а брат Грени, Амит, заведовал делами дома Нохамапитан;

ж) так что в итоге на эту роль не осталось никого, кроме Грени;

з) который отправился на Край и тайне разжег гражданскую войну, хотя публично заявлял о союзе с предыдущим герцогом;

и) которого он затем убил, свалив убийство на графа Клермонта, которого Грени считал всего лишь имперским советником по налогам;

к) и стал исполняющим обязанности герцога, пообещав покончить с гражданской войной, что он вполне мог сделать, поскольку именно он финансировал повстанцев;

л) но оказалось, что граф Клермонт был также физиком, специалистом по Потоку, чьи исследования показали, что течения Потока не смещаются, а разрушаются;

м) что подтвердилось, когда разрушилось течение Потока между Краем и Ядром, единственное, ведущее из системы Края;

н) граф затем предложил в духе прагматизма объединить усилия с Грени, чтобы подготовить Край к неминуемой изоляции, вызванной коллапсом как Потока, так и Взаимозависимости, все существование которой было основано на Потоке;

о) Грени не принял предложение графа по... гм... ряду причин и вместо этого заставил графа исчезнуть;

п) что привело в ярость Вренну Клермонт, дочь и наследницу графа, которая довольно-таки неудачно оказалась бывшим офицером имперской морской пехоты со множеством союзников, а также знала подробности исследований, которые ее отец вел в отношении Потока;

р) о которых она затем всем рассказала;

с) и разозлилась, что новый временный герцог держал их в неведении по поводу всей этой истории с «коллапсом Потока»;

т) и таким образом началась новая гражданская война;

у) против него самого;

ф) в которой участвовали новые мятежники;

х) обстрелявшие ракетами его долбаный аэрокар.

Единственное, что можно было сказать в защиту Грени: он никогда не просил, чтобы его рожали.

Но для него это было слабым утешением, когда его аэрокар врезался в улицы Краепада, столицы Края, несколько раз перевернувшись, прежде чем прекратить полет.

Открыв глаза, а он их плотно зажмурил во время столкновения с поверхностью планеты, Грени обнаружил, что аэрокар стоит вертикально. На сиденье напротив покоилось тело Блэйна Турнина. Молчаливый, собранный, безмятежный, тот выглядел так, словно последние

полминуты вовсе не исполнял роль бильярдного шара в человеческом обличье. Лишь голова Турнина, вывернутая под неестественным углом, будто его шейные позвонки превратились в переваренные макароны, свидетельствовала, что он не решил просто слегка вздремнуть, чтобы набраться сил.

Десять секунд спустя дверцы разбитого аэрокара Грени распахнулись, и охранники из его службы безопасности – «Черт побери, – промелькнуло в голове Грени, – да ни одну из их машин, похоже, даже не взяли на прицел!» – расстегнули ремни и грубо вытащили его из машины, запихав в другую, которая устремила по прямой назад к герцогскому дворцу. Последнее, что увидел Грени среди останков своего аэрокара, – тело Турнина, которое сползло на пол, превратившись в коврик из человеческой шкуры.

– Вам не кажется подозрительным, что ни в один из других аэрокаров не пытались стрелять? – заметил чуть позже Грени, расхаживая по тщательно охраняемой комнате своего дворца, которая находилась глубоко под землей, в подземном крыле, способном противостоять любой осаде в течение недель, а может, и месяцев. – Все аэрокары были совершенно одинаковые. Мы не подавали полетный план, и никто не знал, что мы окажемся в небе. И тем не менее – бам! – и ракета попадает в одну машину, причем именно в мою. Я вынужден полагать, что моя служба безопасности скомпрометирована и среди моего окружения затесались предатели.

Сидевший в кресле Джеймис, граф Клермонт, со вздохом отложил книгу, которую читал, и потер глаза.

– Как ты понимаешь, у меня не так уж много поводов сочувствовать твоим проблемам, – сказал он, поворачиваясь к Грени.

Грени перестал расхаживать туда-сюда, вспомнив, перед кем, собственно, он распинаятся со своими мрачными мыслями.

– Я просто не знаю, кому еще доверять, – ответил он.

– Уж точно не мне, – усмехнулся Джеймис.

– И все-таки насколько я прав? – продолжал настаивать Грени. – В самом ли деле похоже, что среди моей охраны есть предатель?

Джеймис с тоской посмотрел на свою книгу, и Грени, проследив за его взглядом, увидел на потрепанном переплете название: «Граф Монте-Кристо». Грени предположил, что это историческая биография, и лениво поинтересовался, в какой системе находится планета Монте-Кристо. Потом он снова взглянул на графа.

– Да, вероятно, ты прав, – наконец сказал Джеймис. – Вероятно, у тебя завелся предатель, по крайней мере один, а может, и несколько.

– Но почему?!

– Ну... это лишь гипотеза, но тем не менее. Возможно, это как-то связано с тем фактом, что ты, будучи полной бездарью, с помощью убийства завладел титулом герцога и лгал своим подданным о неминуемом коллапсе цивилизации, причем так уж вышло, что ты и пальцем не пошевелил, чтобы хоть как-то к нему подготовиться.

– Никто, кроме вас, не знает, что я убил герцога, – возразил Грени.

– Прекрасно. В таком случае остается «будучи полной бездарью, лгал своим подданным о неминуемом коллапсе цивилизации» и так далее.

– Вы в самом деле считаете меня бездарью?

Граф пристально посмотрел на Грени.

– Зачем ты ко мне ходишь, Грени? – спросил он.

– В смысле?

– В смысле – зачем ты ко мне ходишь? Для тебя я лишь пленник и политическая помеха. Одна из главных причин, по которой ты ведешь свою нынешнюю гражданскую войну, – то, что ты пленил меня и заставил исчезнуть. Будь ты умнее... что ж, будь ты умнее, ты не стал бы делать практически ничего из того, что уже совершил. Но что касается меня, здесь и сейчас –

будь ты умнее, ты бы держался подальше и дал мне возможность спокойно догнывать, вместо того чтобы являться сюда каждые несколько дней.

– Когда-то вы предлагали мне помощь, – напомнил Грени.

– Это было до того, как ты решил, что лучше всего будет запихнуть меня подальше от чужих глаз, – возразил Джеймис. – Не говоря уже о том, что ты продолжаешь обвинять меня в убийстве, которое совершил сам, и использовал это убийство, чтобы лишить всех прав мою законную наследницу. И как, кстати, – помогло? Думаешь, Вренна хоть в чем-то отказалась от своих намерений, потеряв все свои титулы и владения?

– Никак не могу понять вашу дочь.

– То есть?

Грени махнул рукой в сторону графа Клермонта:

– Вы ученый. Вы... не похожи на мятежника.

– Я им и не был, – согласился граф, – пока ты не сделал меня таким. Что же касается Вренны – ты никогда не был знаком с ее матерью. Иначе ты намного лучше бы все понимал. Впрочем, теперь это не важно, поскольку, как и в случае со мной, именно ты сделал ее мятежницей, и притом весьма способной.

– Не уверен, что я с этим соглашусь.

– Да, конечно же, ты прав. Некий совершенно ни на что не способный предводитель мятежников сумел внедриться в твою службу безопасности, посадить в нее как минимум одного предателя, вывести тайный маршрут твоего полета и послать ракету конкретно в твой, а не какой-либо другой аэрокар. Извини, мне как-то трудно в это поверить.

Граф снова потянулся к своей книге.

– Мне нужен кто-то, с кем я мог бы поговорить, – внезапно сказал Грени.

Джеймис взглянул на (действующего) герцога:

– Прошу прощения?

– Вы спрашивали, почему я к вам постоянно прихожу, – пояснил Грени. – Мне нужен кто-то, с кем я мог бы поговорить.

– У тебя есть для этого целый правительственный аппарат, – напомнил Джеймис.

– В котором есть предатели.

– Позволь мне напомнить, что я как бы не вполне на твоей стороне.

– Нет, но... – Грени обвел рукой комнату. – Вам все равно никуда не уйти.

Граф снова помедлил, словно размышляя, как лучше всего реагировать на очередное напоминание о том, что он пленник, а потом взял книгу.

– Может, тебе просто стоит сходить к психотерапевту?

– Мне не нужен психотерапевт.

– На твоём месте я бы как следует подумал.

– Приму к сведению.

– В конце концов, у тебя что, нет друзей, Грени? Даже фальшивых?

Грени открыл было рот, собираясь парировать колкость насчет фальшивых друзей, но тут же замолк. Джеймис пристально смотрел на него, держа в руках раскрытую книгу.

– Ну, что молчишь, незаконный герцог? – спросил он. – В те времена, когда ты был советником герцога, я постоянно видел тебя в окружении свиты, целой толпы сплетников и льстецов. Ты всегда мог выбрать среди них самых лучших. А уж теперь, когда ты стал герцогом, ты точно в состоянии обзавестись поклонниками.

– У меня есть друзья, – заявил Грени.

– В самом деле? – Граф поднял книгу. – В таком случае тебе следовало бы побеспокоить их.

– Вам от меня ничего не нужно.

Граф удивленно поднял брови.

– Собственно, мне нужно только одно – чтобы ты отказался от титула герцога и отпустил меня домой.

– Я вовсе не это имел в виду.

– Понимаю, – сухо кивнул Джеймис. – Я просто намекаю, что ты не совсем верно меня оцениваешь. Но – да. С точки зрения твоего герцогского титула – мне ничего от тебя не нужно.

Грени развел руками.

– Значит, я могу с вами поговорить?

– Я все же посоветовал бы психотерапевта.

– И тем не менее вы могли бы мне помочь, – сказал Грени. – Помочь подготовиться к тому, что произойдет с Потоком.

– Несмотря на то, что я твой пленник и ты ведешь гражданскую войну против моей дочери, которую убил бы при первой же возможности?

– Она только что пыталась убить меня.

– Хоть ты и пытаешься свести гражданскую войну к тому, что «она первая начала», доверия к тебе это отнюдь не добавляет, – сказал Джеймис. – К тому же уже слишком поздно. Я предлагал тебе помощь несколько месяцев назад, несмотря на то что ты убил герцога и обвинил в этом меня. Все было очень непросто, но все же решаемо. Но теперь, когда идет гражданская война, уже ни ты, ни я не можем ничего решить. Ты разозлил слишком многих людей, ставших твоими врагами, и слишком многих, которые, возможно, могли бы стать твоими друзьями. Даже если бы ты меня убедил и даже если бы я готов был тебе помочь, никто бы не поверил столько времени спустя, что меня не вынудили силой. И даже если бы Вренна поверила и перешла на другую сторону – чего она, кстати, никогда бы не сделала, – остальные продолжили бы без нее.

– Так что же вы предлагаете?

– Кажется, я уже говорил – отказаться от титула и отпустить меня.

– А кроме того?

– Предлагаю подумать над планом побега и над изменением внешности, – ответил Джеймис. – Поскольку подозреваю, что герцогом тебе оставаться недолго и добром это не кончится. У тебя уже есть предатели среди твоего окружения. Если ты как можно скорее не обзаведешься новыми друзьями, тебе конец.

Граф снова вернулся к своей книге.

– В последний раз заявляю, ваша светлость: имперские морские пехотинцы не станут участвовать во внутреннем конфликте, – сказал сэр Онтейн Маунт после того, как (действующий) герцог вызвал имперского бюрократа с космической станции, где по случайности дислоцировались те самые морские пехотинцы, которые требовались Грени. Маунт и Грени пили чай в кабинете (действующего) герцога, обстановка которого почти полностью сохранилась со времен предыдущего герцога, поскольку Грени не считал нужным ее менять. – Вряд ли стоит напоминать вам, что в соответствии с текущей имперской политикой морские пехотинцы могут использоваться исключительно для защиты межзвездной торговли и выполнения задач, определяемых на имперском уровне, то есть непосредственно имперо.

– Нет больше никакой межзвездной торговли, – возразил Грени. – И с имперо насчет каких бы то ни было задач никак не связаться. Ваши морпехи все равно сидят без дела.

– Течения Потока, ведущие в систему, пока работают, так что торговля все еще идет, и имперо все еще может отдавать распоряжения, – бесстрастно сказал Маунт. – Что касается последнего, сэр, – имперские морские пехотинцы не станут участвовать во внутреннем конфликте ради того, чтобы немного потренироваться. Так или иначе, когда я дал согласие на исполнение вами обязанностей герцога, подразумевалось, что вы намерены прекратить гражданскую войну на этой планете.

– Что я и сделал!

– Примерно на три недели, – заметил Маунт. – Можно сказать, это было не столько окончание гражданской войны, сколько передышка между кампаниями.

Он отхлебнул чая. Грени заскрежетал зубами, зная, что Маунт на самом деле вовсе не столь туп, как пытался казаться; имперский бюрократ прекрасно знал, что в нынешней гражданской войне участвуют совсем другие игроки, имеющие совсем другие цели. Но точно так же он вовсе не был заинтересован в том, чтобы его драгоценные морпехи проливали кровь и пот ради Грени. По сути, Маунт не слишком изысканно намекал ему: «Сам кашу заварил, сам ее теперь и расхлебывай».

– Тогда хотя бы разрешите позаимствовать кое-что из вашего арсенала, – попросил Грени. – Все равно оно лежит без толку.

– Позаимствовать? – усмехнулся Маунт, глядя в чашку. – Дорогой мой герцог, пули или ракеты не заимствуют. Стоит ими воспользоваться, и они израсходованы.

– С радостью готов купить все необходимое.

– Что случилось с тем грузом оружия, который вы спасли от пиратов несколько месяцев назад? – спросил Маунт. – С грузом, который предназначался для предыдущего герцога, но угодил в засаду? Как я понимаю, именно вы отбили его у подлых, презренных похитителей-пиратов?

Грени снова заскрежетал зубами, зная, что Маунту прекрасно известен ответ на этот вопрос, к тому же его раздражала фальшиво прозвучавшая аллитерация во фразе бюрократа.

– Часть груза была уничтожена во время атаки. Большую часть остального похитили нынешние мятежники.

– Печально. Похоже, тот груз воистину был проклят.

– Согласен, – кивнул Грени, прихлебывая чай, чтобы избежать вспышки гнева.

– Возможно, ракета, которая вас подбила, была частью того груза, ваша светлость.

– Мне тоже приходила в голову эта мысль.

– Какая ирония судьбы. – Маунт поставил чашку. – К несчастью, ваш предшественник не сумел покончить со своей гражданской войной, так что вам пришлось унаследовать часть его проблем, к которым, возможно, добавился ряд новых, ваших собственных. Но как при нем, так и при вас имперские морские пехотинцы должны сохранять нейтралитет в данном конфликте. Уверен, вы меня поймете.

Дверь в кабинет (действующего) герцога открылась, и вошла помощница с планшетом в руках, который она подала Грени.

– Важное сообщение, ваша светлость, – сказала она. – Зашифрованное, лично для вас. Должно быть прочитано немедленно по получении.

– Что-то серьезное? – спросил Маунт.

Грени взглянул на открытые заголовки сообщения.

– Семейные дела, – ответил он. – Прошу меня простить.

– Конечно. – Маунт взял чашку.

Грени подтвердил свои биометрические данные, и открылось текстовое сообщение от его сестры Надаше.

Грени!

Если ты это читаешь, значит дела здесь плохи. Не могу сказать, в чем именно дело, поскольку пишу заранее. Но что бы ни случилось, я ввожу в действие запасной план.

А именно: я посылаю тебе военно-транспортный корабль «Пророчества Рахелы». Он полностью вооружен, и на его борту десять тысяч имперских морских пехотинцев. Его командир и большая часть команды – наши; остальные, вероятно, не доживут до конца полета. Корабль должен прибыть вскоре после этого сообщения.

Если ты еще не закончил свою маленькую гражданскую войну на Крае, «Рахела» поможет тебе провести зачистку. Было бы неплохо, если бы ко времени прибытия «Рахелы» ты уже был герцогом Края, но если нет, то когда «Рахела» выполнит свою задачу, ты им станешь.

Затем командир «Рахелы» возьмет на себя командование тамошними имперскими морскими пехотинцами, вне зависимости от того, насколько это соответствует существующей субординации. После этого вы вдвоем возьмете под свой контроль отмели Потока и подготовитесь к нашему прибытию, которое состоится в любом случае.

Тебе многое предстоит сделать, братишка. Действуй.

И постарайся не напортачить.

До встречи,

Надаше.

Улыбнувшись, Грени закрыл сообщение, после чего стер его, отформатировал планшет и превратил его в кирпич – осторожность никогда не бывает лишней.

– Хорошие новости?

– Прошу прощения? – переспросил Грени, кладя ставший бесполезным планшет на стол.

– Вы улыбались, – заметил Маунт. – Я спросил: хорошие новости из дома?

– Можно сказать и так.

– Что ж, прекрасно, – кивнул Маунт. – Капелька хороших новостей вам уж точно не помешает, с вашего позволения.

Грени представил себе сэра Онтейна Маунта мертвецом, которым тот станет, когда придет «Рахела», и улыбнулся.

И в то же самое время в голове у него промелькнули несколько мыслей, на этот раз одна за другой. Мысли были такие:

«Блин, так-растак, я спасен»;

«Хоть бы „Рахела“ поскорее сюда добралась, черт побери»;

«Как так вышло, что у Надаше дела пошли столь хреново?».

И наконец:

«Что за чертовщина там вообще творится?»

Книга первая

Глава 1

– Будем говорить прямо, – сказал Деран Ву. – Это конец цивилизации в нашем понимании. И бизнесу он пойдет только на пользу.

На верхнем этаже здания Дома гильдий, в специально отведенном для совета директоров дома Ву большом конференц-зале, где стоял во главе огромного стола Деран Ву, только что произнесший эти несколько фраз, члены совета директоров дома Ву, все как один, уставились на Дерана, словно тот только что громогласно пустил ветры прямо им в физиономию.

«Что ж вы так, – подумал Деран. – Здорово ведь было сказано».

Деран ничем не показал своего недовольства реакцией собравшихся на свои слова. В том не было никакой необходимости. Впервые за всю свою карьеру в доме Ву Дерана особо не заботило, что члены совета директоров дома, каждый из которых в той или иной степени являлся ему родственником, думают о нем, о его планах или его остроумных речах. И все потому, что Деран теперь был управляющим дома Ву.

И не просто управляющим. Прежде пребывание в этой роли во многом зависело от терпимости совета директоров, чье отношение ко всему, начиная от компетентности управляющего и заканчивая тем, что следует подавать на обед, милосерднее всего можно было бы описать как весьма капризное. С другой стороны, Деран Ву мог не опасаться неодобрительного отношения совета, поскольку Джейсин Ву, предыдущая управляющая, пыталась свергнуть имперо. Имперо вполне разумно полагала, что это бросает подозрение на весь совет дома.

По крайней мере, таков был повод.

Если точнее, Деран Ву поставил невмешательство в его деятельность на посту управляющего условием того, что он не сообщит всю имевшуюся у него информацию о вышеупомянутом покушении, в котором он активно участвовал, вплоть до убийства управляющего одного из других крупных торговых домов и покушения на одного из близких друзей имперо, по слухам ее любовника. Имперо, испытывавшая нехватку времени и предпочитавшая уже известного ей дьявола, дала согласие.

И теперь совет директоров дома Ву впервые после недавних неприятностей собрался в полном составе, во главе с Дераном, который раньше даже не рассматривался на роль управляющего. Мнение совета на этот счет никого не волновало.

Стоявший перед советом Деран вдруг понял, что им, вероятно, это совсем не нравится. Чем вполне могла объясняться столь странная реакция на его слова.

– Что мы тут делаем? – последовал вопрос с другого конца очень длинного стола, за которым сидели директора, члены семейства Ву.

– Прошу прощения? – спросил Деран, высматривая, кто именно из родственников задал вопрос.

Это была Тиган Ву, заведовавшая подразделением стрелкового оружия оружейного концерна дома Ву.

– Я спросила: «Что мы тут делаем?» – повторила она. – Ты теперь диктатор дома Ву. Это совет директоров. Следовало бы сказать – бывший совет директоров. Теперь он лишен власти. С какой целью нас всех здесь собрали?

– Помимо того, чтобы позлорадствовать, – добавил Никсон Ву, заведовавший подразделением автоматизированных систем безопасности, то есть вооруженных роботов.

– Да, про злорадство у меня тоже была мысль, – сказала Тиган, глядя на Дерана.

– Мои дорогие родственники, – обратился к ним Деран, пытаясь изобразить ободряющий жест. – Позвольте вам напомнить, что наступили чрезвычайные времена. Джейсин (наш бывший управляющий директор) пыталась свергнуть имперо, и она вовсе не уверена, что совет директоров не причастен к попытке переворота. Она не знает вас настолько хорошо, как я.

– А она знает, что ты полное дерьмо? – спросил Бельмент Ву, заведовавший строительством военных кораблей. Бельмент никогда не принадлежал к числу поклонников Дерана.

– Она знает, что мне, по крайней мере, можно доверять, – ответил Деран, на что Бельмент лишь презрительно фыркнул.

Простер Ву, сидевший по правую руку от Дерана, откашлялся. Возможно, Простер был самым могущественным человеком в этом помещении, поскольку в числе прочего он надзирал за всей службой безопасности. Это означало, почти в буквальном смысле, что в его распоряжении находилась большая часть оружия. По традиции те из Ву, кто возглавлял службу безопасности, никогда не претендовали на общее руководство – им это просто не требовалось. В определенном смысле они правили из-за трона. Стоило Простеру кашлянуть, как все, включая Дерана, тут же замолчали и посмотрели на него.

– Деран, – сказал Простер, – не будем впустую терять время. Чтобы стать управляющим, ты предал Джейсин и шантажировал имперо. Она также позволила тебе принимать решения от имени дома Ву, не считаясь с нашим мнением. Ты неплохо все разыграл, но не делай вид, будто мы об этом не знаем или будто нам неизвестно, что ты причастен к тому дурацкому неудавшемуся перевороту не меньше Джейсин. Не оскорбляй наши умственные способности. По-моему, вполне честно.

– Вполне честно, – помедлив, ответил Деран.

Кивнув, Простер повернулся к остальным.

– Что касается того, что мы тут делаем, – все просто. – Он показал на Дерана. – Наш новый управляющий все же не полный идиот и понимает, что даже если имперо дала ему полную власть над домом Ву, эта «власть» – всего лишь иллюзия. Ему не на кого положиться из присутствующих в этом зале, и у него недостаточно союзников за его пределами. И, как он верно заметил, – Простер снова развернулся к Дерану, – близится конец человеческой цивилизации. Время его ограничено, и если он намерен воплотить в жизнь те планы, которые у него определенно имеются, ему для этого потребуются наше содействие. Верно?

«Не совсем», – подумал Деран. Он подготовился намного лучше, чем полагал Простер. У Дерана имелся небольшой список людей, в основном других членов семьи Ву, которые с радостью перерезали бы глотку любому, если бы это означало реальную возможность встать во главе какого-либо из подразделений дома Ву. Черт побери, если бы дошло до подобного, голова Простера первой оказалась бы на плахе. В этом зале не было никого, кто не придушил бы собственную бабушку – да и несколько других бабушек, к чему скупиться? – ради того, чтобы возглавить службу безопасности, особенно теперь, когда должность управляющего на ближайшее время стала недоступна.

Простер занимал свой пост слишком давно и успел забыть, сколь жадными до власти могут быть его тщеславные родственники, хотя ему стоило бы об этом помнить. В свое время он силой заставил Финну Ву, прежнего директора службы безопасности, покинуть свою должность, после чего ей пришлось удалиться на покой в другую систему, чтобы ничто постоянно не напоминало ей о позорном свержении. Деран знал обо всех пороках и ошибках Простера больше, чем, вероятно, кто-либо другой, включая самого Простера, и с радостью был готов поделиться этой информацией с любым представителем семейства Ву.

Так что насчет Дерана вовсе нельзя было сказать, будто ему не на кого положиться или у него нет союзников, как пытался утверждать Простер. Если точнее, Деран был уверен, что со временем приобретет как тех, так и других.

Но время было не на его стороне – в этом Простер был прав.

Время теперь вообще больше не было ни на чьей стороне.

И потому Деран, кивнув, ответил Простеру:

– Верно.

– Мы все друг друга понимаем, – сказал Простер. – Что ж, тогда расскажи нам, Деран, каким образом конец цивилизации может вдруг оказаться на пользу дому Ву.

– На самом деле все просто, – ответил Деран. – Дом Ву обладает монополией на кораблестроение, вооружение и безопасность. Что в первую очередь потребуется, когда продолжат рушиться течения Потока?

– Еда, – сказала Тиган Ву.

– Вода, – сказал Никсон.

– Медикаменты, – добавил Бельмент.

– Вы упустили суть. – Деран раздраженно махнул рукой.

– Разве суть не в том, что люди будут голодать? – спросила Тиган.

– Почти, – кивнул Деран. – Суть не в том, что люди будут голодать. Суть в том, что люди боятся голода. В ближайшие несколько лет течения Потока начнут рушиться, и людям станет страшно. Империя не просто так называется Взаимозависимостью. Каждая населенная людьми планета по определению зависит от других, и это прекрасно работало, пока Поток был стабилен. По мере того как он теряет стабильность, то же происходит с политическими и общественными системами Взаимозависимости. И этим системам нужно оказать поддержку.

– С помощью сил безопасности и оружия, – сказал Простер.

– Именно.

– Пока силам безопасности тоже не станет страшно, когда у них, как и у всех, начнет заканчиваться еда, – заметила Тиган.

– Ну, по крайней мере, этот вопрос мы можем решить, – сказал Никсон, отвечавший за вооруженных роботов.

– Суть в том, что неминуемы беспорядки, – продолжал Деран. – Усиливающиеся и непрекращающиеся.

– А мы хотим заработать на этом хаосе денег, – кивнула Тиган.

– Мы хотим предложить возможность оттягивать хаос как можно дольше, – ответил Деран. – Беспорядки в любом случае произойдут. Они уже происходят, и это неизбежно. Но «неизбежно» вовсе не обязательно означает «немедленно». Мы можем выиграть время для правительств систем. Или, точнее, они могут у нас это время купить. Поскольку мы в самом деле хотим на этом заработать.

– До тех пор, пока деньги будут хоть что-то значить, – заметила с дальнего конца стола Лина Ву-Герц, заведовавшая подразделением перепродаж, торговавшим поддержанными космическими кораблями или кораблями, которые были построены, но так и не использовались из-за того, что предполагаемый владелец их не забрал. – Когда цивилизации приходит конец, деньги теряют всякий смысл.

– Цивилизация вовсе не заканчивается, – сказал Деран.

– Я что-то пропустил? – спросил Бельмент. – Разве ты сам только что не говорил, что цивилизации наступает конец?

– Я говорил: «Цивилизации в нашем понимании». – Деран взял со стола пульт и нажал кнопку. Стена за его спиной ожила, и на ней появилась голубовато-зеленая планета.

– Это Край, – заметил Простер.

– Это цивилизация, – поправил Деран.

– Значит, ты не бывал на Крае, – усмехнулся Простер.

– Именно на Крае предстоит выжить нашей цивилизации, – сказал Деран. – Это единственная система во Взаимозависимости, где имеется планета, на которой способна самостоятельно существовать человеческая жизнь. И, судя по тому, что говорят нам ученые имперо, это

последняя планета, на которой останется течение Потока, ведущее на нее с Ядра. Именно там продолжит существовать цивилизация. – Он взглянул через стол на Лину Ву-Герц. – Вместе с ее деньгами.

– Да, цивилизация сможет там выжить, – кивнул Простер. – Если сумеет туда добраться.

– По слухам, мы строим космические корабли, – улыбнулся Деран.

– Но не столько же, – возразил Бельмент.

– Наша задача – спасти цивилизацию. Но это вовсе не означает спасти каждого человека, хотя я уверен, что все здесь присутствующие и все те, кто им дорог, рано или поздно попадут на Край.

На мгновение наступила тишина.

– Значит, твой план – космические корабли для некоторых и подавление беспорядков для остальных? – спросила Тиган, когда пауза миновала.

– Не моя вина, что Поток рушится, – ответил Деран. – Я всего лишь осознаю последствия. И – нет, суть плана не в кораблях и не в подавлении беспорядков. План – и в этом мне потребуется поддержка совета – заключается в том, чтобы начать строить космические корабли и подавлять беспорядки уже сейчас, в больших масштабах, до того, как поступят соответствующие приказы.

– Если исходить из предположения, что приказы поступят, – заметил Простер.

– Они уже поступают, – заверил его Деран. – И нам вовсе незачем ждать, пока правительства и остальные торговые дома поймут, что конец близок. Об этом им напомнят наши торговые агенты. Я хочу, чтобы строительство кораблей и производство оружия началось уже сейчас, чтобы торговые агенты могли сказать нашим клиентам, что товар готов. Никакой задержки между заказом и поставкой, кроме времени на транспортировку. Крайне важный фактор в нынешние времена.

– Предложи им выгодные условия, и они сразу согласятся, – сказал Бельмент.

– Нет, – покачал головой Деран. – Деньги на бочку, и никак иначе. За все.

– Это безумие, – заметил Бельмент.

– Никакое это не безумие. Это конец цивилизации в нашем понимании. У нас нет времени собирать деньги в рассрочку.

– В таком случае мы раскрываем карты, – сказал Простер.

– Суть как раз в том, чтобы раскрыть карты, – ответил Деран. – Если они сочтут, что, по нашему мнению, сейчас не время для рассрочки, быстрые сроки станут приоритетом и для них. Деньги у них есть, им только нужно решить в первую очередь отдать эти деньги нам. – Он посмотрел на Лину Ву-Герц. – А если наши клиенты сочтут, будто цивилизации конец и деньги в любом случае потеряют цену, им гораздо легче будет с ними расстаться. Они подумают, будто обвели нас вокруг пальца.

– Значит, будем строить корабли и производить оружие... – кивнул Простер.

– Пока это все еще дешево и легко, поскольку по мере разрушения течений Потока будет все дороже получать все необходимые материалы, – вставил Деран.

– ...и брать за них деньги по максимуму, а потом, когда течения Потока окончательно разрушатся, мы перенесем нашу деятельность на Край, где деньги будут сохранять свою ценность, а остатки цивилизации будут все так же нуждаться в оружии и космических кораблях.

– Да, таков план, – сказал Деран. – В общих чертах.

Кивнув, Простер окинул взглядом стол, сидевшие за которым тоже кивнули, включая даже Бельмента и Тиган, и снова посмотрел на Дерана.

– Похоже, ты прав: конец цивилизации пойдет на пользу бизнесу.

– Да, – ответил Деран. – Думаю, да.

– Кстати, хорошо было сказано.

– Спасибо, Простер, – лучезарно улыбнулся Деран.

Дверь конференц-зала открылась, и в нее заглянула Витка, помощница Дерана, чтобы объявить перерыв на обед. Вкатились столы на колесиках, нагруженные едой и напитками. Члены совета встали со своих мест и, переговариваясь, принялись за угощение. Помощница Дерана подошла к нему с чашкой горячего чая его любимого сорта, который она специально хранила для него в потайном отделении своего стола.

– Как все прошло? – спросила Витка, подавая ему чашку.

– Похоже, все получилось, – ответил Деран и отхлебнул чая. – Мне кажется, они поняли суть моего плана.

– Что ж, хороший план.

– Мне тоже так казалось, – согласился Деран.

– Принесу вам чего-нибудь поесть. – Витка отошла к столам с едой.

Деран глотнул еще чая, купаясь в лучах своих сегодняшних достижений. Он вовсе не нуждался в членах совета, чтобы сделать все то, что он им вкратце обрисовал, – на самом деле он уже начал процесс перевода большей части финансовых активов дома на Край, но при наличии их согласия все становилось проще и легче. Ему не пришлось особо с ними сражаться, а тем более сменять большую их часть на своих постах, хотя он и предполагал, что без этого не обойдется. По крайней мере, пока. У него еще оставалось немного времени.

«Да, все отлично складывается», – подумал Деран, глотнул еще чая и рухнул замертво. Чашка покатилась по полу.

Витка, направлявшаяся к нему с тарелкой еды, вскрикнула, выронила тарелку и бросилась к телу Дерана. Остальные молча стояли, наблюдая за происходящим. Минуту спустя Витка выбежала за дверь, зовя врачей.

Члены совета все так же не сводили глаз с тела Дерана.

– Это точно не я, – наконец сказал Бельмент.

– И кто же? – поинтересовался Простер.

Все что-то пробормотали.

– Гм, – заметил Простер, откусывая от булочки.

– Так что, следуем его плану? – спросила Тиган.

Прежде чем кто-либо успел ответить, в зал ворвались медики.

Глава 2

В то же самое время, когда Деран Ву падал замертво на самом верхнем этаже Дома гильдий, несколькими этажами ниже Кива Лагос боролась с искушением вышвырнуть кое-кого в окно.

– Что ты сказал, твою мать? – обратилась Кива к сидевшему по другую сторону стола.

Багин Хейвель, старший торговый переговорщик дома Вульф, даже не моргнул.

– Вы прекрасно меня слышали, леди Кива. Дом Вульф намерен пересмотреть наши контракты с домом Нохамапитан, администратором которого вы являетесь. Мы предпочли бы, чтобы переговоры прошли позитивно, в духе сотрудничества и взаимной выгоды. Но если это невозможно, что я могу предполагать по вашей реакции, мы в порядке утешения охотно подадим иск в Суд гильдий.

– И на каком же основании?

– На том, что цивилизации грозит коллапс, леди Кива.

Кива взглянула на Сению Фундапеллонан, юриста дома Нохамапитан – вернее, бывшего юриста, пока по вине графини Нохамапитан ее случайно не ранили при попытке убить Киву, после чего Сения перешла на другую сторону и стала работать на Киву, которая теперь возглавляла дом Нохамапитан после того, как графиню посадили в тюрьму по обвинению в измене. Кива поставила Фундапеллонан во главе юридического департамента дома Нохамапитан, к

тому же у Кивы и Фундапеллонан довольно-таки неожиданно сложились весьма близкие отношения, так что Фундапеллонан прекрасно поняла ее взгляд.

– В контрактах между нашими домами нет никаких пунктов насчет якобы грозящего цивилизации коллапса, господин Хейвель, – сказала она.

– Однако в них имеются пункты относительно форс-мажора, – возразил Хейвель.

– Форс, мать его, мажора? – воскликнула Кива.

– Я ничего не упоминал про чью-либо мать, но в остальном – да.

– Форс-мажор – это когда незамеченная космическая глыба неожиданно разрушает какую-нибудь долбаную космическую станцию, – сказала Кива.

– Это один из примеров, – согласился Хейвель. – Мы считаем таковым и коллапс цивилизации.

– Ключевое слово – «неожиданно».

– На самом деле ключевые слова – «коллапс цивилизации».

– Леди Кива права, – вмешалась Фундапеллонан. – Форс-мажор предполагает события, которые невозможно предвидеть или ожидать.

– Да, вроде коллапса всей нашей цивилизации, – кивнул Хейвель.

– Через хрен знает сколько лет, – сказала Кива.

– На протяжении времени, в течение которого существенные составляющие контрактов между нашими домами не смогут быть исполнены, что влечет существенный гражданский и финансовый ущерб для дома Вульф, – произнес Хейвель, для пущей важности подняв палец. – Если текущие оценки состояния течений Потока внутри Взаимозависимости верны, дом Вульф будет вынужден, в отсутствие его вины и под воздействием сил, находящихся вне его контроля, начать отказываться от исполнения своих контрактных обязательств, подвергаясь при этом неприемлемому риску.

– Это ваши проблемы.

– Согласен, это проблемы, – кивнул Хейвель. – Но я не согласен с тем, что это только наши проблемы. И дом Вульф готов отстаивать данный аргумент в суде.

– Суд гильдий не особо восприимчив к новым интерпретациям контрактного законодательства, – заметила Фундапеллонан. – Исходя из нескольких сотен лет судебного опыта, можно с немалым основанием предполагать, что, если вы подадите этот иск, в суде вас попросту осмеют, а вашему клиенту придется оплатить наши судебные издержки плюс существенный штраф.

– Это одна из возможностей, – заметил Хейвель. – Есть и другая – Суд гильдий признает, что несколько сотен лет судебного опыта ничего не значат, когда Взаимозависимость сталкивается с экзистенциальной угрозой своему существованию, которой в буквальном смысле нет аналога во всей известной истории.

– Вы слишком многого ожидаете от Суда гильдий.

Хейвель пожал плечами:

– Из-за этого коллапса они оказались в точно такой же ловушке, как и все мы. Мы полностью отрезаны от мира. – Он снова переключил свое внимание на Киву. – Но, как я сказал вначале, у нас на самом деле вовсе нет никакого желания обращаться в суд. Мы готовы пересмотреть контракты по доброй воле, на условиях, выгодных обоим нашим домам.

– Ты говорил не это. – Кива устремила на Хейвеля каменный взгляд. – Ты сказал, что дом Вульф намерен либо пересмотреть контракты, либо обратиться в суд.

– Да, – кивнул Хейвель. – И что?

– То, что ты пришел рассказать мне, что произойдет, а не попросить моей помощи.

– Естественно, нам понадобится ваша помощь...

На этот раз уже Кива подняла палец:

– Но ты ее не просил. Ты говорил мне, что произойдет, и ожидал, будто я с этим согласусь, словно вопрос уже решен.

– Не понимаю, какое это имеет значение.

– Имеет, поскольку ты меня основательно разозлил, мать твою растак, – сказала Кива. – Я не люблю, когда кто-то является ко мне в кабинет и говорит, как я должна поступать, будто у меня нет своего мнения на этот счет, да еще заранее угрожает потащить меня в суд, пытаюсь силой добиться моего согласия.

– Леди Кива, если вы так меня поняли – прошу меня извинить, я вовсе не хотел...

– А теперь ты, мать твою, разозлил меня вдвойне, притворяясь, будто устроил всю эту срань случайно. Ты же взрослый человек, старший торговый переговорщик целого долбаного дома. И – да, дом Вульф всего лишь мелкий долбаный дом...

– Эй...

– Но даже у мелкого долбаного дома есть средства, чтобы нанять кого-то более опытного. Так что либо тебе достаточно долго удавалось скрывать свою полную некомпетентность от дома Вульф, чтобы всплыть, как дерьмо, до своего нынешнего положения, либо ты знал, что делаешь, с того самого момента, как уселся на этот долбаный стул и решил оскорбить мои умственные способности. Что из двух?

– Почему это вас так волнует? – заморгав, спросил Хейвель.

– Твоя компетентность? Меня она нисколько не волнует. Хотя наверняка могла бы волновать твоего босса.

– Нет, я про то, почему вас так волнует этот контракт?

– В смысле?

– Графиня Нохамапитан пыталась вас убить, леди Кива, – сказал Хейвель. При этих словах Фундапеллонан неуютно поерзала на стуле; именно в нее попала пуля, предназначавшаяся Киве, и лишь на прошлой неделе она смогла вернуться к работе. Раздолбанное плечо все еще медленно заживало. – Дом Нохамапитан – дом предателей. Его глава в тюрьме, а его наследники пропали без вести или мертвы. Вы заведуете им лишь потому, что вас назначила на этот пост имперо. Вас ничто не связывает с этим домом, леди Кива. Так что с того, если контракт будет пересмотрен? В худшем случае дом Нохамапитан заработает чуть менее огромную кучу денег, чем раньше. Это дом предателей. Не понимаю, в чем вообще проблема.

Кивнув, Кива встала и, обойдя стол, подошла к Хейвелю. Хейвель неуверенно взглянул на Фундапеллонан, которая едва заметно покачала головой, словно говоря: «Бежать слишком поздно». Наклонившись, Кива уставилась Хейвелю прямо в глаза.

– Что ж, раз уж ты спросил, – сказала она, – мне не все равно потому, потому что так мне велела имперо. Мне не все равно, поскольку, помимо долбанных Нохамапитанов, этот дом дает работу сотням тысяч людей, которые теперь вынуждены полагаться на меня, поскольку я защищаю их интересы. Мне не все равно, потому что, хоть вам этого никогда не понять, заведовать целым долбаным домом – огромная ответственность, и кто знает, возможно, мне хочется, чтобы все видели, что я с этой работой справляюсь. Мне не все равно, потому что, несмотря на имя на дверях, теперь этой мой дом, мать его растак. Мне не все равно, потому что, когда ты являешься в мой дом, в мой кабинет, и указываешь мне, что мне следует делать, ты оскорбляешь меня и оскорбляешь мой дом. А поскольку я вижу, что ты не намерен проявлять хоть какую-то клятую инициативу со своей стороны, долбаный умник, мне не все равно, что твой сраный домишко оскорбляет меня и мой дом – оба моих дома, ибо, мать твою, я по-прежнему принадлежу к дому Лагос. Мне не все равно, потому что мне не все равно, черт побери. И твой сраный домишко выбрал совершенно неподходящего индивидуума, чтобы пытаться мной помыкать. Ясно тебе, господин Хейвель? Или мне объяснить попроще и поглубже?

– Да, я понял, – ответил Хейвель.

– Вот и хорошо. – Кива выпрямилась и наклонилась к нему через стол. – В таком случае сделаем вот что. Ты вернешься к своим боссам и скажешь им, что дом Нохамапитан благодарит их за предложение, в ответ на которое мы предлагаем дому Вульф засунуть свои желания в задницу, поскольку мы не согласны изменить в наших текущих контрактах ни одну долбаную запятую. Если дом Вульф желает подать иск в Суд гильдий – пожалуйста. Дом Нохамапитан постарается затянуть дело не только до коллапса Потока, но и до реальной тепловой смерти наблюдаемой Вселенной, мать ее. – Кива повернулась к Фундапеллонан. – У нас ведь есть для этого ресурсы?

– О да, – кивнула Фундапеллонан.

Кива вновь повернулась к Хейвелю.

– Так что если хочешь, чтобы над этим делом трудились твои прапраправнуки – можешь идти в суд со своим дерьмом насчет форс-мажора. Посмотрим, как они будут синеть от натуги. А пока – вали на хрен из моего кабинета.

– Обожаю смотреть, как ты работаешь, – сказала Фундапеллонан после того, как Хейвель свалил на хрен из кабинета Кивы.

– С подобным мы столкнемся еще не раз, – заметила Кива.

– Со стратегией форс-мажора? Наверняка. – Фундапеллонан махнула рукой в ту сторону, куда свалил на хрен Хейвель. – Дом Вульф не отличается особой изобретательностью в юридических вопросах. Вряд ли они придумали это сами, а если так, можно не сомневаться, что кто-то уже подал иск в Суд гильдий. Могу поинтересоваться.

– Займись.

– Ладно. – Фундапеллонан сделала у себя пометку. – Естественно, возникает вопрос, почему это тебя так волнует.

Кива, прищурившись, взглянула на Фундапеллонан:

– Только ты еще не начинай.

– Я знаю, почему тебе было не все равно, когда дело касалось тебя и этого дома, – улыбнулась Фундапеллонан. – Но сейчас тебе не все равно, хотя это не касается тебя лично. Весьма примечательный случай.

– Звучит не слишком впечатляюще.

– Ты в высшей степени эгоистка. В том нет ничего плохого или хорошего, просто факт. Так что если тебя и впрямь заботит данный вопрос, значит для тебя он словно заноза в заднице.

– Он в самом деле для меня словно заноза в заднице, потому что этот мерзкий навозный жук прав, – ответила Кива. – Близится коллапс Потока. Если Суд гильдий решит, что коллапс цивилизации означает недействительность всех контрактов, начнется хаос.

– Тебе вдруг перестал нравиться хаос?

– Мне не нравится, когда он не приносит мне пользы.

– Вот видишь – еще одно подтверждение твоего эгоизма.

– В данном случае хаос не принесет пользы никому, – сказала Кива. – Если Суд гильдий удовлетворит хотя бы один подобный иск, это выбьет опору из-под всей нашей экономической системы.

– Точно так же, как, скажем, коллапс Потока.

– Конец близок, – сказала Кива. – И мне не вполне понятно, зачем нам его приближать. – Она показала туда, куда ушел Хейвель. – Из-за него и ему подобных, мать его растак, люди начнут умирать с голоду.

– В защиту бедняги Хейвеля – он лишь следовал приказам, исполняя свой профессиональный долг, – заметила Фундапеллонан. – Если бы ты велела мне отправиться в какой-нибудь другой дом с тем же дурацким планом, я была бы обязана подчиниться.

– Надеюсь, сперва ты врезала бы мне по морде.

– У меня до сих пор не зажило плечо. Пришлось бы вместо этого дать тебе пинка под зад.

– Ты и сейчас бы с удовольствием это сделала.

– В данный момент вряд ли. Да, ты эгоистка, но, похоже, твой эгоизм в какой-то степени распространяется и на других. По крайней мере, временно.

– Не привыкай.

– Не собираюсь. – Фундапеллонан встала, опираясь на здоровую руку. – Пойду к юристам, соберу команду на случай, если Кива Лагос все же не сумела внушить дому Вульф достаточно страха. А ты?

Кива взглянула на настольные часы:

– Мне нужно успеть на челнок до Сианя, который стартует через полчаса. Долбаное заседание исполнительного комитета.

– Тебе меня не одурачить, – улыбнулась Фундапеллонан. – Ты же обожаешь эти заседания.

Кива лишь неразборчиво буркнула в ответ. Исполнительный комитет состоял из трех представителей парламента, трех представителей церкви Взаимозависимости и трех представителей гильдий. Кива вошла в его состав после того, как попытка свержения имперо создала немало проблем примерно для трети домов. Имперо решила, что ей нужен надежный голос в комитете, и таковой стала Кива, прекрасно осознававшая всю иронию того, что из всех выбрали именно ее.

– Тебе стоило бы выразить на заседании свою озабоченность насчет этой чуши с формажором, – посоветовала Фундапеллонан. – Либо Грейланд, либо парламент могут не дать ей дойти до суда.

– Вряд ли Суду гильдий это понравится, – возразила Кива. Суд гильдий крайне ревностно относится к своей декларируемой независимости.

– Вряд ли, – возразила Фундапеллонан, направляясь к двери. – Но это уже не твоя проблема.

Кива смотрела ей вслед – отчасти наслаждаясь очертаниями ее фигуры, а отчасти продолжая размышлять о только что состоявшемся словесном поединке с долбаным Хейвелем.

Сения Фундапеллонан была права по поводу Кивы – та была крайней эгоисткой. Сения считала, что это не хорошо и не плохо, но Кива имела на сей счет особое мнение, считая, что эгоизм, по сути, единственный способ существования во Вселенной, которую нисколько не волнует чья-либо жизнь, и в цивилизации, где основной принцип – не мешать богатым богатеть и не давать бедным умирать с голоду, чтобы у тех не возникало предпосылок восстать и отрубить богатым головы. Безразличная Вселенная и неизменная по своей сути цивилизация давили на корню любого, кто не ставил на первое место себя и свои собственные интересы.

В этом Кива была права, по крайней мере в том, что касалось ее самой. Ее политика: «А что я буду с этого иметь, мать твою» – за несколько лет привела ее от положения шестого ребенка в семье не слишком влиятельной аристократки к должности фактической главы одного из самых могущественных домов Взаимозависимости, к месту в исполнительном комитете и благосклонности имперо. Следует признать, что присущая Киве философия прагматичного целеустремленного эгоизма работала не лучшим образом для подавляющего большинства других, но, мать их растак, они не были Кивой.

И тем не менее чем выше Кива поднималась по карьерной лестнице, тем больше она понимала, что ее политика эгоизма имеет, так сказать, определенные пределы. Возможно, в другую эпоху, когда цивилизацию не отделяло от падения в темную глубокую долбаную бездну несколько недолгих лет, Кива могла бы спокойно следовать прежним путем, будучи уверенной, что в конечном счете ее действия не имеют никакого значения. Являясь всего лишь сгустком живого углерода, которому достаточно скоро предстояло стать навеки неживым, она могла поступать как угодно – съесть еще один кекс, или потрахаться с той симпатичной рыженькой,

или еще что-нибудь. Вселенная не создавалась специально для того, чтобы удовлетворять эгоизм Кивы, но вряд ли он мог сколько-нибудь заметно этой самой Вселенной повредить.

Но Кива вполне осознавала, что для нее теперь наступило иное время. Долбаная человеческая цивилизация схлопывалась, забирая с собой человеческих индивидуумов, включая ее саму. Вероятное время ее собственной жизни (если исключить убийство, неосторожный перепад или падение с лестницы) теперь превышало время жизни цивилизации, к которой она принадлежала. А это означало, что некоторая часть ее жизни – возможно, несколько десятилетий – станет, мать твою, крайне неприятной, если только люди, занимающие властные посты, не предпримут что-либо, чтобы этого избежать.

Вот только оказывалось, что люди, занимающие властные посты, скажем так, крайне эгоистичны. В точности как сама Кива.

Что опять-таки вполне бы ее устраивало, если бы человеческая цивилизация не близилась к своему долбаному концу.

Но именно так оно, мать твою, и было.

И в этом заключалась проблема.

Именно потому появлялись существа вроде этого долбаного дерьможабеныша Багина Хейвеля и его столь же дерьмово-земноводных боссов, которые с радостью были готовы швырнуть в пропасть экономические основы общества лишь для того, чтобы сэкономить несколько марок, которые все равно не будут иметь никакого значения, когда рухнет цивилизация и их жирные влажные задницы вдруг окажутся по вкусу изголодавшимся толпам. Дерьможабеныш Багин Хейвель и его боссы не думали ни о чем другом, кроме как о собственных весьма краткосрочных интересах.

Вряд ли Кива могла сказать, что чем-то фундаментально отличается от них – по крайней мере, пока Хейвель не начал что-то подобострастно вкаты, – но она поняла, что в данный момент численность в корне эгоистичных и своекорыстных людей, которых способна терпеть человеческая цивилизация, особенно в той части общества, которая могла реально повлиять на судьбу человечества, существенно сократилась. Возможно, мысль эта и не стала для Кивы истинным откровением, но ее вполне хватило, чтобы осознать: либо придется стать не столь эгоистичной, либо найти способ сделать менее эгоистичными других.

Естественно, ей самой не хотелось становиться менее эгоистичной. Как уже было сказано, ее эгоизм прекрасно работал, помогая ей добиться успеха, и она не видела причин что-либо менять. Если совсем честно, больше всего ей сейчас хотелось привести Сению к себе домой и оттрахать ее до потери сознания, поскольку если уж Кива собиралась испробовать для разнообразия так называемую моногамию и все с ней связанное, то непременно в полной мере. И хотя Сения, вероятно, получала определенное удовольствие (а она его получала, если верить ее словам), Кива занималась с ней любовью вовсе не ради этого. Она делала это ради себя самой, что ее вполне устраивало.

Соответственно, измениться предстояло другим.

И это было непростой задачей. Вряд ли кто-то столь же эгоистичный, как она, захотел бы хоть в чем-то меняться.

Кива осознала кое-что еще, не менее важное: для эгоистичных и своекорыстных людей наступил своего рода переломный момент. Насколько она могла понять, каждый раз, когда эгоисты сталкивались с мучительным, меняющим всю их жизнь кризисом, они проходили через пять четко выраженных стадий:

1. Отрицание.
2. Отрицание.
3. Отрицание.
4. Долбаное отрицание.
5. Твою мать все ужасно хватай что можешь и беги.

Судя по появлению в ее кабинете Багина Хейвеля и его стратегии нападения, можно было предполагать, что всерьез имеет место пятая стадия.

Это осложняло задачу Кивы, поскольку те, кто готов был хватать все, что можно, прежде чем все полетит к чертям, вряд ли были склонны внезапно становиться альтруистами.

Что ж, прекрасно. Киве нравились непростые задачи.

Дверь в кабинет Кивы открылась, и вошел ее помощник Бантон Салаанадон.

– Леди Кива, – сказал он.

– Пора на челнок? – спросила Кива.

– Нет, – ответил Салаанадон, но тут же поправился, подняв руку: – Да. Но я пришел не поэтому.

– Тогда почему?

– Новости из дома Ву.

– Что случилось? – Имперо являлась членом дома Ву, хотя и не участвовала в его повседневных делах. Возможно, это было как-то связано с ней. – Что-то насчет имперо?

Салаанадон покачал головой:

– Насчет Дерана Ву.

– Ах, этого засранца? Если говорить об эгоизме, то Деран Ву был выдающимся его представителем. Что с ним?

– Он мертв.

– Мертв?

– Убит.

– Это не я.

– Я... не знал, что кто-то может вас подозревать, леди Кива.

– Известно, кто это сделал?

– Пока нет.

– Ладно, а имперо знает? Хоть о чем-нибудь?

Глава 3

Карденция Ву-Патрик проснулась за полчаса до будильника из-за того, что ее возлюбленный, Марс, обожал храпеть. Обычно Карденции удавалось отфильтровать этот фоновый белый шум, который ее мозг хорошо знал и мог им пренебречь. Но в последние несколько дней Марс сражался с простудой, отчего его храп стал более громким и не столь размеренным. Храп Марса, разбудивший Карденцию, напоминал весьма оживленную беседу двух троглодитов об изобретении огня, охоте на дикого кабана или о чем-то подобном.

Карденция не обращала на храп внимания – он ей даже нравился. Их с Марсом отношения находились еще в той стадии, когда недостатки каждого скорее доставляют радость, чем вызывают раздражение; или, по крайней мере, Карденции все еще доставляли радость недостатки Марса, а Марс был то ли слишком вежлив, то ли слишком осмотрителен, чтобы высказываться о ее собственных. Карденция лениво подумала, наступит ли когда-нибудь такой момент, когда недостатки перестанут радовать и, вместо того чтобы с улыбкой терпеть храп Марса, ей захочется придушить его подушкой. Карденция никогда еще не была с кем-либо в столь долгих отношениях и вдруг представила себе, что, даже придушив любимого, она, возможно, радовалась бы, что они сумели добраться до этой стадии.

Пока же она просто лежала, закинув руку на грудь Марса, и слушала беседу двух троглодитов, которая наконец завершилась и ее участники покинули свой лагерь, возможно отправившись на поиски мастодонта. Храп Марса стих до своего обычного уровня громкости. Карденция легко провела пальцами по его груди, слегка пощекотав, но стараясь не разбудить, и не

в первый уже раз удивилась тому, что им удалось ужиться друг с другом. По ряду причин это казалось маловероятным – и тем не менее.

Она полежала еще немного, пребывая на грани сна и яви и наслаждаясь исходившим от Марса теплом. Затем, за пять минут до того, как будильник должен был разбудить их обоих, она вздохнула и, слегка ворча, выскользнула из постели. Тапочки и халат лежали там, где она положила их накануне вечером. Надев их, она шепотом дала команду часам сбросить будильник. Ей предстояло идти на работу, но Марсу ничто не мешало спать дальше. Может, вернулись бы троглодиты, чтобы продолжить свое совещание.

Карденция приняла душ, вытерлась, расчесала волосы, а затем надела нижнее белье и пеньюар. В данный момент у нее имелось два варианта. Первый – выйти в дверь сразу налево, за которой ждала ее прислуга, ответственная за гардероб, прическу и макияж, а Нера Чернин, глава ее аппарата, должна была сообщить ей распорядок дня, который начинался с того момента, когда завершался ее макияж, и заканчивался неопределенным моментом в будущем примерно через двенадцать-пятнадцать часов, а может, и позже.

Второй – выйти в совсем другую дверь и побеседовать с теми, кто находился за ней. Даже если бы она вышла в эту вторую дверь, ей не удалось бы избежать общения с Чернин и остальной прислугой – это лишь отсрочило бы неминуемое на все то время, какое она бы там пребывала.

Так или иначе, это никак не меняло того факта, что, совершив столь простое действие, как шаг за порог, она переставала быть Карденией Ву-Патрик и становилась Грейланд Второй, имперо Священной империи Взаимозависимых государств и Торговых гильдий, королевой Ядра и Ассоциированных наций, главой церкви Взаимозависимости, наследницей Земли и Матерью всего сущего, восемьдесят восьмой имперо из дома Ву.

Посмотрев на обе двери, Карденция вздохнула и подошла ко второй, которая сама открылась перед ней. Грейланд Вторая шагнула через порог.

За дверью находилось большое, практически лишенное обстановки помещение, не считая выступающей прямо из стены скамьи; оно выглядело почти стерильным. Возможно, здесь не стоило долго задерживаться, но тем не менее Грейланд села на скамью, устроилась поудобнее, насколько это было возможно, и обратилась к главному обитателю комнаты.

– Цзии, – произнесла Грейланд.

Вспыхнули потайные проекторы, и посреди комнаты возникло бесполое человекоподобное существо, которое взглянуло на сидящую Грейланд, подошло к ней и кивнуло.

– Приветствую, имперо Грейланд Вторая, – как обычно, произнес Цзии. – Чем могу помочь?

Грейланд задумчиво посмотрела на стоящую перед ней фигуру. Эта комната называлась Залом Памяти. В ней содержались мысли и воспоминания каждого из предшествовавших имперо, вплоть до самой пророчицы-имперо Рахелы Первой, записанные посредством нейросети, которая была вживлена в мозг каждого имперо, включая Грейланд. Цзии являлся интерфейсом, который каждый из ныне живущих имперо использовал для доступа к своим предшественникам; для этого достаточно было попросить увидеться с кем-то из них, и Цзии их показывал – по одному или нескольких сразу, в зависимости от того, со сколькими желал пообщаться живой имперо.

Все предыдущие имперо, кроме одного, считали, что единственное предназначение Цзии – интерфейс для связи с другими имперо, обладающий базовым искусственным интеллектом для получения другой информации общего характера. Но, как недавно узнала Грейланд, Рахела Первая, создавая Цзии, добавила ему также совершенно иную функцию – поиск и обнаружение тайной информации по всей Взаимозависимости.

С этой задачей Цзии справлялся не слишком быстро и не слишком успешно – некоторой информации могли потребоваться годы, чтобы оказаться в базах данных Цзии, но недостаток

скорости и проницательности с лихвой восполнялся настойчивостью. Рано или поздно все тайное становилось для Цзии явным.

А теперь, поскольку Грейланд об этом знала, и для нее тоже.

– Деран Ву уже двенадцать часов как мертв, – сказала Грейланд Цзии. – Пока не знаешь, кто его убил?

– Не знаю, – ответил Цзии.

– Ты не обнаружил ничего, что могло бы указывать на конкретного виновника?

– После того как об убийстве стало известно всем, последовал вал сообщений от высокопоставленных представителей аристократии и торговых домов, – сказал Цзии. – Все эти сообщения были зашифрованы, что является стандартным почти для всего общения в этих кругах. Мне потребуется некоторое время, чтобы получить к ним доступ с помощью расшифровки или других средств.

– Определи понятие «некоторое время».

– Если потребуется применять метод грубой силы, это может занять десятилетия. Обычно в том нет необходимости, поскольку имеются другие пути получения информации, такие как доступ к камерам видеонаблюдения, показывающим экраны с информацией.

– Читаешь через плечо? – усмехнулась Грейланд.

– Да, – ответил Цзии. – В данный момент ни одно из секретных сообщений, которые я видел, не содержит каких-либо сведений о случившемся, за исключением информации от самих свидетелей.

– И никто из них ничего не писал об окончательном расчете по контракту?

– Нет.

Грейланд недовольно поморщилась:

– Знаешь, мне намного облегчило бы жизнь, если бы ты выяснил все это сегодня.

– Понимаю, – сказал Цзии, и Грейланд не в первый раз подумала, в самом ли деле Цзии ее понимает. Цзии по определению был столь же вызывающе бесстрастен, как и сам Зал Памяти.

– Есть у тебя какая-то новая информация, о которой мне следовало бы знать?

– Об убийстве Дерана Ву или более общего характера?

– И то и другое.

– Никакой информации о Деране Ву больше нет. В более общем смысле – некоторые аристократические дома втайне начали переправлять часть своих богатств на Край, и некоторые члены этих домов, занимающие важные посты, планируют отправиться следом.

Грейланд Вторая кивнула. Ей вовсе не требовался вынюхивающий секреты тысячелетний искусственный интеллект, чтобы понять – до глав благородных семейств и Торговых гильдий, которыми они управляли, наконец дошло, что Поток на самом деле рушится, и, возможно, им хотелось сохранить хотя бы часть своего состояния, отправив их в единственное место во Взаимозависимости, которое теоретически могло пережить в лучшем случае еще несколько десятилетий. Чтобы сделать подобные выводы, ей хватало вполне законных финансовых отчетов и докладов службы безопасности. Она знала, что на их изучение уйдет часть сегодняшнего дня, и подозревала, что с каждым днем их будет становиться все больше.

«Об этом будем беспокоиться после», – подумала она. Сейчас она находилась в Зале Памяти по причине смерти Дерана Ву и ее возможных последствий. Цзии, при всей его полезности, не принадлежал к числу тех, с кем следовало говорить на эту тему. Грейланд требовался тот, кто имел реальный жизненный опыт управления Взаимозависимостью и ее аристократическими домами, в частности домом Ву. Именно с просьбой вызвать такого человека она и обратилась к Цзии.

– Умер от чая, – проговорил имперо Аттавио Шестой, или, вернее, его симулякр – точная компьютерная имитация. Аттавио Шестой был не только предыдущим имперо, но, по стечению обстоятельств, еще и отцом Грейланд.

Грейланд кивнула и тут же поморщилась:

– Ну... мы не знаем, что дело именно в чае. Могла быть отравлена сама чашка. Или, возможно, и в чае, и в чашке содержались некие компоненты, которые, смешавшись, превратились в яд. Этим все еще занимаются следователи.

– Но это определенно был яд? – спросил Аттавио Шестой.

– Да.

– И никто не пытался замаскировать отравление, скажем, под сердечный приступ или инсульт?

– Нет.

– Никаких очевидных подозреваемых?

– Личную помощницу Дерана, Витку Чиньлунь, подавшую ему чай, допросили и держат сейчас под стражей, но, как я понимаю, почти никто не сомневается, что она ничего не знала про яд. Она явно в шоке и готова оказать любую помощь следствию.

– Тебе ее жаль?

– Она непреднамеренно отравила собственного босса, папа. Этого более чем достаточно.

– Да, конечно, – согласился Аттавио Шестой. – Ты ведь не просто так мне все это рассказываешь, верно?

– Я хотела узнать, что ты об этом думаешь.

– Я ничего об этом не думаю. Собственно, я вообще не мыслю.

Грейланд с минуту пыталась удержать готовую сорваться с языка фразу, поскольку та в равной степени относилась к Аттавио Шестому, Цзии и всем остальным имперо, а потом, вспомнив, что Аттавио Шестой перед ней на самом деле только симулякр, все же сказала:

– Сомневаюсь, что это правда.

– Что я вообще не мыслю?

– Да. Мы с тобой уже достаточно давно таким образом общаемся, и ты не раз задавал мне вопросы и давал советы. Вряд ли бы ты это мог, если бы не мыслил.

– Не совсем верно, – сказал Аттавио Шестой. – По крайней мере, в том смысле, как ты понимаешь мышление. Данный симулякр способен на качественные эвристические аппроксимации. Я могу высказывать предположения, основываясь на собственном жизненном опыте и сохраненной модели моего образа мышления при жизни.

«Собственно, по сути, это и есть мышление», – подумала Грейланд, но не стала озвучивать свою мысль, сознавая, что в очередной раз ввязывается в телеологическую дискуссию со своим покойным отцом, или его копией, и что в данной ситуации это мало чем ей поможет.

«Наша цивилизация рушится, но при этом кто-то отравил Дерана Ву», – вздохнув, подумала Грейланд. Очередная подлость, с которой Грейланд могла бы почти смириться, если бы это заодно не осложняло ей жизнь.

– Попробую сформулировать иначе, – сказала Грейланд призраку отца. – Что бы ты подумал на этот счет, если бы был способен думать?

– Смерть Дерана служит неким намеком, – ответил Аттавио Шестой.

– В смысле?

– Твой родственник убит на глазах у всех. Отравлен своим любимым чаем. Никто не пытался скрыть отравление, хотя сделать это было относительно легко. Убийца хотел, чтобы все понимали, что это именно убийство.

– Террористы? – предположила Грейланд.

– Возможно, – согласился Аттавио Шестой. – А может, что-то другое. Никакая организация не взяла на себя ответственность за его смерть?

– Обычные группировки, которые берут на себя ответственность за все подряд, – ответила Грейланд. – Моя служба безопасности утверждает, что никто из них не имеет к этому никакого отношения.

– То есть никаких серьезных заявлений не последовало?

– Нет.

– В таком случае, возможно, это не террористы, – сказал Аттавио Шестой. – А если даже и так, то у них некие долгосрочные цели и они не преследуют немедленную выгоду.

– Например?

– У меня пока недостаточно информации. Кто мог хотеть смерти Дерана Ву?

– Примерно половина аристократических домов, – усмехнулась Грейланд, – немалое количество военных и депутатов парламента и, вероятно, все члены бывшего совета директоров дома Ву.

– И ты, – добавил Аттавио Шестой.

– Прошу прощения? – удивленно моргнула Грейланд.

– Если мне не изменяет память, Деран Ву участвовал в заговоре против твоего правления.

Грейланд улыбнулась в ответ на его реплику, из которой неявно следовало, что симулякр покойника обладает знаниями о событии, произошедшем долгое время спустя после его смерти.

– Он выступил против заговора и выдал всех его участников, – сказала она.

– Возможно. Ты не первая имперо, которая воспользовалась информацией от перебежчика лишь затем, чтобы расправиться с ним после.

– А ты? – Грейланд, прищурившись, взглянула на отца. – Убивал кого-нибудь таким образом?

– Нет.

– Приказывал кого-нибудь убить?

– Не напрямую, – сказал Аттавио Шестой.

– Не напрямую?!

– Убийство не входило в число тех средств, которыми я предпочитал пользоваться. Но даже при этом мне не раз хотелось, чтобы кто-нибудь избавил меня от какого-нибудь священника с чересчур турбулентным характером.

– Ты приказывал убивать священников?

Грейланд понятия не имела, что у ее отца имелись какие-то проблемы с церковью Взаимозависимости, номинальным главой которой он являлся, как и она сейчас.

– Я в иносказательном смысле, – сказал Аттавио Шестой. – Можешь сама проверить. Суть в том, что я решил не делать убийства частью моего правления. Можешь, однако, поинтересоваться мыслями на этот счет у своей бабушки. Скорее всего, ее ответ будет совершенно другим.

Грейланд подумала о Зетиан Третьей, ее бабке со стороны отца, и слегка вздрогнула. Вряд ли Зетиан Третья запомнилась бы с лучшей стороны в истории – или в том ее обрывке, что еще оставался.

Аттавио Шестой заметил, как вздрогнула его дочь.

– Как я понимаю, ты тоже предпочитаешь не потакать убийствам.

– Да, предпочитаю.

– Возможно, это разумно.

– Возможно?

– Убийство никогда не бывает чистым и всегда имеет последствия. Но тебе довелось править в турбулентные времена, – сказал Аттавио Шестой. Грейланд отметила про себя повторное упоминание слова «турбулентный». – Ты пережила два почти удавшихся покушения и одну почти удавшуюся попытку переворота. Вряд ли бы тебя слишком сурово осудили, если бы ты как имперо решила ускорить справедливый приговор тем, кто строил заговоры против тебя.

Грейланд представила себе перечень имен, которые могли бы оказаться в ее списке, если бы таковой у нее имелся. Ее службе безопасности хватило бы работы до окончательного коллапса Взаимозависимости.

– У нас хватает других, более настоятельных забот, – ответила она.

– Возможно, это разумно, – повторил Аттавио Шестой. – Если покончить со своим родственником решила не ты, лучше всего начать составлять список тех, кто мог бы это сделать, и посмотреть, куда это приведет. – Грейланд кивнула. – Предполагается, что ты вообще как-то заинтересована в том, кто его убил, – добавил Аттавио Шестой. – Помимо формального расследования.

– Естественно, заинтересована.

– Повторяю: он участвовал в заговоре против тебя.

– Да, но, помимо всего прочего, от его смерти мне нет никакой пользы, – сказала Грейланд. – Его задача состояла в том, чтобы управлять домом Ву и держать его в узде. Теперь он мертв, и члены совета директоров уже дерутся за власть. Если Деран окажется единственным из семейства Ву, убитым в ближайшие несколько месяцев, можно считать, что нам повезло.

– Формально глава дома Ву – ты, – заметил Аттавио Шестой.

– Формально имперо не пытались управлять домом Ву много столетий, – возразила Грейланд. – Меня уже невзлюбили родственники за то, что я урезала состав совета и поставила Дерана во главе его, и мне сошло это с рук только потому, что против меня выступила Джейсин Ву, так что у меня имелся повод для подозрений. Если только не обнаружатся очевидные доказательства, что его убил кто-то из совета, у меня нет никаких политических причин для вмешательства. А если я все же попытаюсь, то столкнусь с впечатляющим сопротивлением. Так что я не могу себе этого позволить. По крайней мере, пока.

Аттавио Шестой наклонил голову.

– Недавно ты подавила мятеж. Наверняка у тебя есть политический капитал, который можно тратить.

Грейланд снова улыбнулась, на этот раз печально:

– Можно считать и так, отец. Но, как ты сам сказал, времена теперь... турбулентные.

– О чем ты заранее знала. Я предупреждал тебя, когда ты приняла корону.

– Да, предупреждал, – кивнула Грейланд. – Ты тогда еще говорил, что, по твоему мнению, я ко всему этому не готова. Помнишь?

– Помню, – ответил Аттавио Шестой.

– И что ты теперь об этом думаешь? – Грейланд подняла руку. – В смысле, что бы ты подумал, если бы был способен думать?

Аттавио Шестой помедлил. Грейланд понимала, что в этой паузе нет необходимости и она вставлена в симулякр Аттавио лишь потому, что Зал Памяти осознавал – в подобный момент, когда двое людей ведут подобного рода беседу, требуется пауза, пока отвечающий человек приведет в порядок свои мысли. Целью паузы было изобразить для Грейланд более аутентичную психологическую человеческую реакцию. Не более того.

Но это никак не помешало тому, чтобы за время этой короткой паузы на Грейланд нахлынул целый поток чувств – что ее оценивают и делают вывод о ее несостоятельности и что ее отец, или его копия, пытается сообразить, как помягче сообщить дочери, что ей, к сожалению, не по плечу та задача, за которую она взялась.

– Тебе это не по плечу, – прямо сказал Аттавио Шестой. – Но с другой стороны, кто еще, если не ты?

Грейланд шумно выдохнула, только теперь поняв, что затаила дыхание.

– Спасибо, что добавил последнюю часть, – ответила она.

– Я сделал это вовсе не из сочувствия к тебе.

– Знаю. Ты для этого не запрограммирован. Но все равно спасибо.

– Не за что, – ответил Аттавио Шестой. – Насчет убийства твоего родственника – что ты намерена предпринять дальше?

– Напрямую – ничего, – сказала Грейланд. – Этим уже занимаются моя служба безопасности и другие следователи. Как я уже сказала, у меня хватает и более настоятельных забот.

– И все-таки ты пришла ко мне об этом поговорить.

– Я решила, что другой имперо, возможно, что-то знает об убийстве.

– Вряд ли я сообщил тебе нечто такое, чего ты уже не знала.

– Да, – согласилась Грейланд. – Но тебя не существует, так что ты можешь относиться к этому бесстрастно. И думаю, ты прав. Убийство послужило неким намеком. Нужно лишь расшифровать, кому именно.

– Это зависит от того, кто стоял за убийством, – сказал Аттавио Шестой. – И, как ты уже говорила, очевидных подозреваемых нет.

– Нет, – кивнула Грейланд. – Но у меня есть предположение.

Глава 4

Когда Надаше Нохамапитан проснулась, ее переполняла ненависть – в чем в последнее время не было ничего необычного.

Кого же и что она ненавидела сегодня? Что ж, посчитаем.

Для начала она ненавидела собственную каюту. Впрочем, для коробки размером три метра в длину, два метра в ширину и два метра в высоту, в которой ей теперь приходилось существовать, название «каюта» выглядело чрезмерно громким. Тюремная камера, в которой она провела несколько месяцев, была и то больше, да и пахло тут хуже. В каюте имелась складная койка с ремнями, удерживавшими ее обитателя, когда отключались пресс-поля, что случалось нечасто. Матрас на койке, толщиной в два сантиметра, похоже, был сделан из древесно-стружечной плиты и отчаяния, а от спального мешка, которым ее снабдили, несмотря на все заверения, что он почищен и дезинфицирован, воняло так, будто в нем занимались самоудовлетворением десятки одиноких звездолетчиков, оставив разлагаться следы своей бурной деятельности.

В каюте не было ни окон, ни украшений, она, казалось, лишь урывками подключалась к вентиляционной системе, а каждые несколько минут раздавался сводящий с ума звук, напоминавший Надаше хрип подавившегося металлическим леденцом младенца. В первую свою ночь в каюте Надаше тщетно пыталась найти источник этого звука, постепенно доводившего ее до бешенства, пока наконец не застегнулась наглухо в спальном мешке, закрыв уши руками и вдыхая вонь остатков космической спермы, и впала в тревожное забытие.

Капитан заверял ее, что это лучшая каюта на корабле.

Помимо каюты, она ненавидела сам корабль под названием «Наша любовь не может больше длиться» – грузовик, совершавший рейсы между планетой Ядро и Орлеаном, средних размеров космическим поселением на орбите звезды Ядра, чуть ближе к ней, чем само Ядро. «Нашей любви» на вид было лет сто, и, похоже, ее приводили в порядок в лучшем случае раз в десятилетие. Когда Надаше оказалась на ее борту и взглянула на стены и переборки, первой ее мыслью было не столько опасение заразиться от них какой-нибудь дрянью, сколько попытка понять, какой именно. Учитывая, что через неделю после прибытия на корабль она подхватила острый бронхит, она не сильно ошибалась.

«Наша любовь» являлась независимым грузовым кораблем, хотя данное наименование было всего лишь изящной метафорой для понятия «контрабандистское судно». Корабль перевозил небольшое количество легального товара, что давало ему доступ к причалам Ядра и Орлеана, а под покровом законного груза таился бескрайний океан нелегального, как банального, так и весьма хитроумного, – дешевые подделки, товары, произведенные вне легальных

монополий или с нарушением авторского права, все, что угодно, – от оружия до рома. Все знали, что такое корабль «Наша любовь» и чем он занимается, но никого это не волновало, поскольку контрабанда приносила хорошие деньги, и капитан Робинетт щедро их раздавал – естественно, не команде, но портовым чиновникам, стивидорам, барменам и имперским советникам по налогам. Капитан Робинетт пользовался немалой популярностью.

Для капитана Робинетта Надаше была лишь еще одним предметом контрабанды на «Нашей любви», не считая того, что с нее, в отличие от груза, взяли заоблачную цену за путешествие с Ядра до Орлеана и обратно. Единственное, что ей предоставил Робинетт, была каюта, которую до этого использовали двое не имевших лицензии корабельных секс-работников, Джини и Рольф, для свиданий с клиентами, – возможно, как теперь сообразила Надаше, именно этим и объяснялось состояние спального мешка. Джини и Рольфа переместили в каюту доктора Брэдшоу, которой теперь приходилось спать после них на той же койке, и она каждый раз яростно ворчала на Надаше, когда та приходила за лекарством от своего бронхита.

Впрочем, Надаше не особо беспокоилась, что доктор Брэдшоу сдаст ее властям на Ядре или Орлеане. Как и почти каждый второй член команды «Нашей любви», доктор Брэдшоу сама скрывалась от закона. По ходившим на корабле слухам, она заколола своего бывшего любовника, воткнув ему нож прямо в почки. Фамилия доктора Брэдшоу была вовсе не Брэдшоу – ее она получила вместе с местом на «Нашей любви», из списка, который вел на борту корабля капитан Робинетт. Брэдшоу звали вовсе не Брэдшоу, Джини и Рольф тоже на самом деле не были Джини и Рольфом, а Робинетт не был Робинеттом, когда совершал первый рейс на «Нашей любви» тридцать лет назад.

Даже у Надаше имелось корабельное имя, хотя вряд ли оно имело смысл для бывшей невесты кронпринца Взаимозависимости, заодно оказавшейся также нынешним Врагом Империи Номер Один. «Порядок есть порядок», – сказал Робинетт и нарек ее именем Карен.

Надаше терпеть не могла это имя, и еще больше она ненавидела дурацкий порядок, по которому все получали новые имена. Еще она ненавидела «Нашу любовь» за то, что заработала на ней бронхит. Ненавидела она и то, что, хотя пребывание на «Нашей любви» избавляло ее от тюрьмы, оно само по себе означало тюремный срок, поскольку покинуть корабль она не могла. В отличие от доктора Брэдшоу, Джини, Рольфа или любого другого члена этой команды с чужими именами, стоило ей хоть на секунду высунуть голову с корабля, как ее тут же заметили бы и схватили. На команду «Нашей любви» можно было положиться в том, что они не выдадут Надаше. Никто другой во всей системе подобных гарантий не давал.

И еще одно – она ненавидела сам факт, что ей приходится скрываться.

Умом она, естественно, прекрасно понимала, почему оказалась в подобной ситуации. Когда ты спровоцировала всепланетный мятеж, убила собственного брата при покушении на имперо, сбежала из тюрьмы и участвовала в заговоре с целью свержения монархии – необходимость скрываться становится не только вероятным следствием вышеперечисленного, но, если честно, самым лучшим из возможных сценариев. Это ей было ясно.

Но от этого ее заключение в вонючей каюте на ржавом корабле в компании готовых воткнуть нож в почки злодеев не становилось приятнее, с какой стороны ни посмотреть.

Надаше никак не могла отрицать тот факт, что она на неопределенный срок скатилась на самое дно общества. Когда-то – еще совсем недавно! – она готовилась стать супругой наследника и матерью будущего имперо. Даже если бы это ей не удалось (как оно в итоге и оказалось), у нее имелся запасной план: сделать своего брата Грени герцогом Края до того, как произойдет смещение течений Потока, обеспечив тем самым, что после этого смещения новой имперской династией станут Нохамапитаны, а не Ву.

Но и из этого ничего не вышло. Грени оставался на Крае и, возможно, уже стал герцогом, но оказалось, что течения Потока ведут себя вовсе не так, как хотелось Надаше и как говорила ей специалист по физике Потока Хатида Ройнольд. Вместо того чтобы смещаться, они полно-

стью разрушались. Надаше пришла в ярость, узнав, что Ройнольд ошибалась, и расправилась бы с ней, если бы ее мать уже не взорвала ученую в космосе вместе с десятками других людей, опрометчиво пытаясь выступить против имперо.

Ее мать!

И это еще одно, что она ненавидела.

Не мать саму по себе – с этим можно было пока повременить, – но то, что ее мать, графиня Нохамапитан, готовила свой собственный переворот против нынешней имперо. Мало того что попытка переворота провалилась, так еще после этого ее матери не пришло в голову ничего умнее, как заорать прямо в лицо имперо, что она, графиня Нохамапитан, убила бывшего кронпринца, чья смерть до этого считалась несчастным случаем.

На самом деле поступать так было глупо. Надаше ненавидела не только то, что ее мать оказалась в тюрьме за измену и убийство – в той же самой тюрьме, куда, по иронии судьбы, попала за измену и убийство сама Надаше, – но и то, что семейство Нохамапитан оказалось навеки отстранено от управления домом и его торговой монополией, которой теперь управляла мелкая представительница другого, намного менее успешного аристократического дома.

То была долбаная Кива, долбаная Лагос, как наверняка выразилась бы несдержанная на язык Кива, которую Надаше терпеть не могла. Впервые пути Кивы и Надаше пересеклись в университете, где, не считая того недолгого времени, когда Кива использовала Грени, брата Надаше, как секс-игрушку, они решили, что лучше всего для обеих будет держаться друг от друга подальше – для Надаше потому, что ей не хотелось проводить время в компании тех, кто занимал положение ниже нее, а для Кивы потому, что она поставила себе целью оттрахать всех в университете, и ее нисколько не волновало, стоит ли на ее пути Надаше или нет.

Они продолжали избегать друг друга и в последующие годы, пока Кива каким-то образом не дотрахалась до раскрытия участия Надаше в покушении на имперо и убийстве собственного брата. За это ее вознаградили правом временно руководить местными делами дома Нохамапитан, что повлекло, скажем так, дальнейшие проблемы, когда Кива частой расческой прочесала финансы Нохамапитанов, обнаружив немало незаконных денежных потоков.

По мнению Надаше, Кива была сквернословящей, низкопробной дрянью, и этого было достаточно, чтобы ее ненавидеть. Но сам факт, что этот сквернословящий мусор теперь заведует ее семейным бизнесом и состоянием, в то время как сама Надаше сражается с постоянным кашлем в коробке размером $2 \times 2 \times 3$ метра, заставлял ее ненависть выплескиваться через край.

При всем при этом Кива Лагос вовсе не занимала верхней строчки в списке предметов ненависти Надаше Нохамапитан, как и «Наша любовь», ее команда, каюта Надаше, ее статус беглянки, глупость ее матери или бронхит. Верхнюю строчку занимала, причем с существенным отрывом, нынешняя имперо Грейланд Вторая.

Естественно, для этого имелось множество причин, начиная с того, что та вообще стала имперо, чего никто не ожидал, и что вследствие гетеросексуальности имперо и явного ее нежелания проявить в этом отношении гибкость, Надаше лишилась всяческих шансов выйти замуж за имперо или родить нового. Далее – имперо отказалась всерьез рассматривать Амита, брата Надаше, как возможного супруга, закрыв для Нохамапитанов возможность породниться с имперской династией. А затем последовала реакция Грейланд на неоднократное вероломство дома Нохамапитан, вследствие чего тот полностью лишился каких-либо прав, что хоть и выглядело вполне разумным с юридической и династической точек зрения, решительно не устраивало Надаше, на которую в итоге пришелся главный удар.

Но больше всего Надаше ненавидела упорное нежелание Грейланд попросту умереть, не важно – от бомбы, или случайно сошедшего с курса челнока, или взрывной декомпрессии в глубинах космоса, или, черт побери, не стоит привередничать, от застрявшего в трахее куска пирога, или еще от чего-нибудь столь же банального. Хватило бы кусочка пирога! Если честно, в данный момент Надаше удовлетворила бы любая причина безвременной смерти Грейланд.

Надаше прекрасно понимала, что, пестуя подобные мысли, она полностью причисляет себя к категории законченных злодеев по отношению к имперо. Оправдаться она могла лишь тем, что имперо слишком дорого ей обошлась, лишив ее брата, матери, аристократического дома и тесно переплетенного с имперской династией будущего. И не имело никакого значения, планировала ли имперо все это изначально и в какой степени Надаше и ее семья стали соавторами собственных невзгод. Когда в итоге все свелось к голым ржавым стенам каюты, Надаше ничего не оставалось, кроме как ненавидеть имперо и злиться, что наивная дура, носящая этот титул, продолжает существовать.

В данный момент Надаше считала, что свела бы вничью счет в игре под названием «жизнь», даже если бы ей ничего больше не удалось, кроме как покончить с Грейланд Второй.

Но естественно, у нее – все еще! – имелись и другие, более величественные планы.

В дверь каюты постучали, и та со скрежетом открылась, впустив первого помощника Номика, который, по слухам, сжег нескольких своих приятелей, пытаясь приготовить некие незаконные и, судя по всему, сильногорючие вещества в ванной собственного дома в его родной системе.

– Карен, – сказал Номик, заставив Надаше поморщиться, – к вам посетитель. Он в кают-компании. Я вас к нему провожу.

– Спасибо, – ответила Надаше, откашлялась, взяла свой планшет и последовала за Номиком по коридорам «Нашей любви», пропахшим металлом, плесенью и старьем.

– Мне сказали, чтобы я называл тебя Карен, – произнес посетитель, когда она вошла в кают-компанию. Первый помощник Номик нахмурился, услышав столь непочтительное обращение, и вышел. – Значит ли это, что мне тоже следует использовать псевдоним?

– Предпочитаешь псевдоним? – спросила Надаше, садясь за тесный, грязный стол в столь же тесном и грязном помещении, и жестом предлагая посетителю сделать то же самое.

– В общем, нет, – ответил посетитель. – Меня вполне устраивает имя Простер Ву, и менять я его пока что не собираюсь. – Он сел и огляделся вокруг. – Не очень-то похоже на твое обычное окружение, Карен.

– Это временно.

– Уверена?

– Если бы ты так не считал, тебя бы здесь сейчас не было. Кстати, за тобой никто не следил?

Простер раздраженно отмахнулся:

– В данный момент я самый высокопоставленный из ныне живущих членов дома Ву, не считая самой имперо. Естественно, за мной следят. – Надаше напряглась, но Простер поднял руку. – Но с точки зрения всех остальных, я прибыл сюда, чтобы забрать партию произведенных на стороне бренди и портвейна, которыми сейчас занимается мой водитель. Банальная контрабанда. Тебе ничто не угрожает.

Надаше немного расслабилась:

– То есть ты полагаешь, что со мной все еще следует считаться?

– Должен признаться, я не сразу сообразил, что это ты отравила Дерана, – улыбнулся Простер. – Я ожидал кое-чего иного.

– Чего еще ты мог ожидать?

– Ну... не знаю, – признался Простер. – Но именно ты послала тот челнок, который врезался в грузовой отсек, чтобы убить имперо. Полагаю, я ожидал чего-то... погромче.

На этот раз улыбнулась уже Надаше. Достав планшет, она открыла приложение и положила планшет перед Простером.

– Что это? – спросил он.

– Программа срабатывания бомб, которые я заложила в зале заседания совета директоров дома Ву, – ответила Надаше. – Они появились там тогда же, когда и отравленный чай среди того небольшого запаса напитков, что имелся у помощницы Дерана.

Простер с сомнением взглянул на программу.

– И как же они там оказались?

– Хватит тебе, Простер, – сказала Надаше. – Ты же не рассчитываешь, что я стану выдавать свои корпоративные тайны?

– Собственно, если ты желаешь, чтобы наш разговор продолжился – да, рассчитываю.

– Прекрасно. Когда вернешься, поищи, кто из вашего обслуживающего персонала не появлялся на работе с того дня, как умер Деран, а когда найдешь, поручи своим людям поинтересоваться его биографией и местопребыванием. Ты обнаружишь, что такого человека не существует, хотя он проработал у вас несколько лет... Этот грязный кораблик, – Надаше обвела вокруг рукой, – не единственное место, где поддельные личности в порядке вещей.

– Корпоративный шпионаж, – проговорил Простер.

– Только не делай вид, будто тебя это потрясло. Сомневаюсь, что дом Ву не занимается тем же самым дерьмом.

– Где сейчас этот человек?

– У себя дома, – ответила Надаше. – Или в пути домой. В нынешнее время всем хочется оказаться дома. Похоже, цивилизации приходит конец.

Простер показал на планшет с программой.

– Какой смысл было мне это показывать?

– Ты сказал, что ожидал чего-то погромче, и мне хотелось дать тебе понять, что я могла устроить нечто куда более громкое, если бы решила, что мне это действительно нужно. – Она взяла планшет, закрыла программу и протянула планшет Простеру. – Держи. Пусть этот маленький сувенир напоминает тебе, что я могла не просто избавиться от Дерана. Я могла уничтожить всех важных представителей семейства Ву и повергнуть весь дом в хаос. У меня был такой вариант, но я им не воспользовалась.

Простер взял планшет:

– А почему, собственно? Я бы в твоей ситуации именно так и поступил.

– Ну... возможно, я бы так и сделала, не будь в том зале тебя, Простер.

– Меня? – ошеломленно переспросил он.

– Ты сам сказал, что в данный момент ты самый старший из Ву. Вряд ли после случившегося у тебя есть планы доверить пост управляющего кому-то еще.

– По традиции тот, кто руководит службой безопасности, не может претендовать на пост управляющего.

Надаше фыркнула, но тут же закашлялась.

– Да брось, Простер, – проговорила она. – Об этом теперь несколько поздно думать.

– Надаш... Карен, если я и считал Дерана жадным глупцом, недостойным управлять домом Ву, это вовсе не означает, что мне хочется заниматься этим самому.

– А кто еще? – возразила Надаше. – Ты знаешь своих родственников. Кто из них мог бы подойти? Особенно сейчас, когда не приходится ждать ничего, кроме одного кризиса за другим?

Простер промолчал, чего и ожидала Надаше. Возможно, Простер с готовностью позволил бы Надаше отравить Дерана – что Надаше с радостью проделала, движимая желанием отомстить, – но в конечном счете он всецело поддерживал дом Ву. Он достаточно долго правил из-за трона, чтобы понимать, что в данный момент никто другой из Ву не достоин этого трона. Надаше с удовольствием наблюдала, как Простер с некоторой неохотой признает данный факт, представляя, как он наконец-то возглавляет самый могущественный дом во Взаимозависимости.

Или, по крайней мере, пока что самый могущественный дом.

– Давай конкретнее, – наконец сказал Простер.

– Конкретнее – в данный момент мы не можем допустить хаоса. – Надаше показала на планшет в руках у Простера. – Гибель директоров привела бы к хаосу, но отравление Дерана потенциально восстанавливает порядок, возвращая директорам их законную власть над домом Ву. И для тебя, поскольку ты осознаешь необходимость порядка лучше любого другого из директоров, это способ вернуть положению дел его надлежащий вид.

– Ни за что не поверю, будто ты сделала это по доброте душевной, – усмехнулся Простер.

– Нет, конечно, – согласилась Надаше. – У меня свои счета. Но я свела их – и не более того. Все остальное было бы губительно. Близится конец времен, Простер. Наши нынешние поступки определяют, выживем ли мы, выживет ли кто-либо из нас – в грядущем.

– И как во все это вписываюсь я?

Надаше снова кивнула в сторону планшета:

– Я заслужила хоть немного твоего доверия?

– Немного.

– Скажу честно: твоя дорогая родственница-имперо в данный момент не самая популярная персона среди представителей аристократических домов и парламента.

– Поскольку недавно она посадила за решетку немалый процент и тех и других по обвинению в измене, пожалуй, соглашусь, – кивнул Простер.

– И ты наверняка согласишься, что подобный поступок лишь способствовал хаосу в худшие из возможных времен для всех нас.

Простер пристально взглянул на Надаше:

– Как скажешь.

– В таком случае мне хотелось бы, чтобы ты, Простер Ву, организовал для меня небольшую встречу. Чтобы поговорить с теми, чьи планы разрушила наша имперо.

Простер изумленно уставился на нее.

– Как ты понимаешь, это будет непросто, – наконец сказал он. – Имперо уже поручила провести расследование деятельности всех их домов. Твой дом лишен всех прав. Да и ты сама, – он обвел рукой кают-компанию, – оказалась не в лучшем обществе и ничего не можешь с этим поделать.

– И опять-таки, Простер, если бы ты в самом деле так считал, тебя бы сейчас здесь не было.

Простер взял планшет:

– Будь ты умнее, ты бы мне его не отдала.

– Будь ты умнее, Простер, ты бы давно понял, что я бы тебе его не дала, если бы у меня не было других способов получить от тебя то, что мне нужно.

– Это уже напоминает угрозу.

– Я бы скорее назвала это страховкой, – сказала Надаше. – Которой я все равно не воспользуюсь, поскольку мы с тобой хотим одного и того же.

– А именно?

– Порядка. И выживания. На наших условиях. А не твоей родственницы.

– Похоже, ты всерьез ненавидишь Грейланд, – задумчиво проговорил Простер.

– Я ее не ненавижу, – солгала Надаше. – Я считаю, что она по уши в дерьме. Проблема в том, что, когда она в нем утонет, она утащит с собой всех нас. Тебя. Меня. Все дома. И Взаимозависимость. Я лично тонуть не собираюсь.

Простер встал:

– Мне нужно подумать.

– Конечно, – кивнула Надаше, продолжая сидеть. – Когда надумаешь, ты знаешь, где меня искать. – Простер кивнул в ответ и направился к выходу. – Но, Простер...

Простер помедлил на пороге:

– Да?

– Не забывай, что у нас мало времени.

Простер что-то проворчал и вышел.

Надаше сидела одна в кают-компании, продолжая ненавидеть, строить планы и между делом размышлять, сколько времени у них у всех на самом деле осталось.

Глава 5

Вскоре после того, как стало ясно, что происходящее между ними вовсе не мимолетный роман и что Кардения Ву-Патрик в самом деле испытывает к Марсу Клермонту те же чувства, что и он к ней (в более или менее одинаковых пропорциях), новая подруга Марса, которая оказалась также имперо Взаимозависимости Грейланд Второй, вручила ему первый подарок – карманные часы.

– А я тебе ничего не подарил, – сказал Марс, когда после сеанса томного секса, который, по его мнению, можно было бы назвать настоящей любовью, она протянула руку к тумбочке, насчитывавшей, вероятно, лет пятьсот и стоившей больше, чем Марс мог бы заработать за всю жизнь, достала карманные часы и сказала ему, что это для него.

– Естественно, ты мне ничего не дарил, – ответила Кардения. – Да и что такого ты бы мог мне подарить из того, чего у меня еще нет? В буквальном смысле, – добавила она, заметив притворную обиду в его взгляде. – Ты же знаешь, у меня настоящие склады подаренных мне вещей, которых я никогда не видела. – Она взяла в руку часы. – Собственно, они оттуда же.

– Твой первый подарок мне – регифт? – с наигранным ужасом спросил Марс.

Кардения легко шлепнула его по плечу.

– Прекрати. На самом деле еще хуже – эти часы подарили даже не мне. Как говорит мой управляющий складом, их подарили Хуэй-Иню Третьему, что означает, что им около двухсот лет.

– Как ты их нашла?

– Я их не искала. Просто сказала кое-кому, что мне нужны карманные часы, и мне принесли на выбор пару десятков со склада.

– Чем дальше, тем больше вся эта история начинает мне казаться лишенной каких-либо чувств. Аж страшно становится.

– Угу, знаю. – Кардения слегка приподняла часы. – Но когда я увидела именно эти, я сразу же подумала о тебе. Так что чувства никуда не делись. – Она протянула часы Марсу.

Марс взял их и стал рассматривать, поворачивая в руке. Часы были небольшие, но тяжелые для своего размера, и Марс предположил, что они механические. Это были карманные часы в охотничьем стиле, с отделкой, напомнившей Марсу олово, хотя он подозревал, поскольку это был подарок имперо, что металл более дорогой. Гравировка на обеих крышках изображала цветущие лозы, а центральным украшением спереди являлась спираль Фибоначчи, заканчивавшаяся стилизованным цветком с дюжиной лепестков. Открыв часы, Марс взглянул на циферблат, оказавшийся простым и изящным. Цепочка часов поблескивала крошечными изумрудами, вделанными через каждые несколько звеньев.

– Воистину, это самый прекрасный подарок из всех, что я когда-либо получал, – сказал Марс.

– Рада слышать, – лучезарно улыбнулась Кардения.

– Обычно мне дарили плюшевых зверей или фрукты.

– Запомню на будущее.

Марс взвесил часы в руке:

– Страшно боюсь уронить их, потерять, поцарапать или еще что-нибудь.

- Твоя имперо будет недовольна, – комично понизив голос, проговорила Карденция.
- Недоволен буду в первую очередь я сам, – ответил Марс.

Карденция показала на внутреннюю сторону крышки:

- Я велела сделать гравировку.

Марс потрясенно взглянул на подарок:

- Гравировку? Для меня?
 - Ну да. Раз уж собралась дарить их тебе, и все такое.
 - Но ты же говорила, что им пара сотен лет. Вероятно, им место в музее.
- Улыбнувшись, Карденция поцеловала Марса.

– Даже если бы они были музейной редкостью, я все равно сделала бы на них гравировку, и тогда их историческая ценность только бы выросла, потому что я имперо. Смешно, но это правда. – Она постучала по часам в руке Марса. – Через несколько сотен лет они, возможно, в самом деле окажутся в музее и люди будущего будут размышлять над смыслом надписи.

- Что ты там написала?

- Прочитай.

Марс слегка повернул часы так, чтобы можно было прочесть надпись. Стиль ее соответствовал стилю часов, и Марс вполне мог бы подумать, что она была там с самого начала как часть дизайна. После слов «Марсу Клермонту, имперскому стражу времени» следовали непонятные символы.

– Это по-китайски, – сказала Карденция. – На языке народа Земли, из которого происходит семейство Ву.

- И что там говорится?

– Там говорится: «Это наше время». – Карденция поморщилась. – Скорее всего, это машинный перевод. Извини.

- Значит, теперь я имперский страж времени?

– Это не официальный титул. Но именно ты рассказал мне, что происходит с Поток. Именно ты лучше всех знаешь, сколько у нас осталось времени, прежде чем он полностью разрушится. Ты знаешь, сколько дней у нас впереди.

- Как-то это... не слишком радует, – заметил Марс.

– Скажем так – это объяснение для публики. – Карденция потянулась и прижалась к Марсу. – И еще ты оберегаешь время имперо, скрашивая его своим присутствием. Ты имперский страж времени.

Марс осторожно положил часы на столик со своей стороны кровати.

- Не слишком удачный каламбур.

- Какой есть, – согласилась Карденция. – Но пока мы вместе – не все ли тебе равно?

Возражать Марс не стал.

И все же в последовавшие дни и недели он часто думал о своем новом, официально-неофициальном титуле. Марс думал о нем, изучая данные о коллапсе Потока, которые они собрали вместе с отцом и покойной Хатидой Ройнольд, и добавляя к ним как текущие, так и исторические данные о путешествиях по Поток. внутри Взаимозависимости, которые приказала предоставить ему имперо, а также огромный объем данных о Поток. за пределами Взаимозависимости, которыми его снабдил Тома Шенвер, (бывший и покойный) король Понтье.

Новые данные дали ему на несколько порядков больше информации, чем у него имелось ранее. Это позволило ему лучше оценить, когда разрушится давно устоявшийся набор течений Потока, определявший Взаимозависимость, а также когда и где возникнет новый, намного менее устойчивый набор течений – «эфемерность», как называли его они с Хатидой, и как долго эти течения просуществуют до того, как тоже разрушатся, превратившись в ничто.

Чем больше Марс изучал данные, тем яснее ему становилось, что Карденция, его имперо и возлюбленная, была права. К этому времени с его набором данных работал почти каждый

физик Потока в системе Ядра, а большинство в других системах как минимум приступили к исследованиям. Но никто из них, за исключением его отца и Хатиды, не работал с ними столь долго – вот только его отец уже больше года не получал никаких новых данных, а Хатиды не было в живых.

И это означало, что никто из ныне живущих, кроме него, не способен представить имеющиеся данные во всей их полноте, обобщить и обработать их так, как мог только он один, чтобы снабдить имперо и ее советников самыми лучшими и наиболее точными предсказаниями.

Марс не льстил себе мыслью, будто данным преимуществом он обязан своим прирожденным способностям. Имелись десятки, если не сотни физиков Потока, куда более талантливых, нежели он, начиная с его собственного отца, который первым из них увидел в самых ранних данных грядущий коллапс Потока. Преимущество Марса проистекало лишь из времени, потраченного на изучение и постижение этой проблемы, и он предполагал, что рано или поздно его сменит кто-нибудь другой.

Но пока что он, по сути, являлся имперским стражем времени, единственным человеком, который лучше всех знал, сколько времени осталось Взаимозависимости.

И все же, чем дольше Марс вглядывался в имевшиеся у него данные, тем больше ему казалось, что он заслуживает чего-то большего.

– Взгляни-ка, – сказал Марс Тома Шенверу. Оба они находились на борту «Оверни», корабля Шенвера, – Марс потому, что ценил дружбу с Шенвером, зародившуюся в дни тяжких испытаний, а Шенвер потому, что в каком-то смысле сам являлся «Овернью» и без нее ему было сложно существовать.

Марс показывал Шенверу компьютерную модель течений Потока внутри Взаимозависимости в ближайшие несколько лет. Процесс шел в сильно ускоренном режиме; прежде стабильные течения Потока вспыхивали синим и внезапно исчезали навсегда, в то время как эфемерные течения мерцали красным. Надежность предсказания становилась чем дальше, тем меньше – синие течения начинали колебаться, входя в предполагаемое окно их коллапса, а красные по мере снижения надежности модели становились белыми. Изображение было исчерчено мерцающими красными, угасающими белыми и подрагивающими синими линиями.

– И что я тут должен увидеть, кроме опасности припадка? – спросил Шенвер.

Марс остановил симуляцию, вернул ее в начало и запустил заново.

– Понаблюдай за эфемерными течениями Потока, – сказал он.

Шенвер снова взглянул на симуляцию, обращая особое внимание на красные линии, а затем на белые.

– Все равно не понимаю, – ответил он.

– Взгляни еще раз. – Марс собрался вернуть симуляцию в начало, но Шенвер поднял руку.

– Даже если я посмотрю ее тысячу раз, я все равно не пойму, что ты хочешь мне показать, Марс.

– Я думал, что уж такой человек, как ты... – нахмурился Марс.

– Такой человек, как я? – улыбнулся Шенвер. – Учитывая, что я фактически больше не человек и существую лишь благодаря доброй воле компьютера этого корабля?

– Ну... в общем, да, – кивнул Марс.

– Это ничего не значит.

– Но ты же управляешь целым кораблем, в основном на подсознательном уровне. Ты как бы и есть этот корабль. Корабль, способный перемещаться в пространстве Потока.

– Ты смог бы управлять этим кораблем, Марс?

– Что? Нет, конечно.

– Но это же корабль, способный перемещаться в пространстве Потока, о котором ты все знаешь.

– Да, но это вовсе не... ладно, кажется, я понял, к чему ты клонишь.

– Нисколько не сомневался, что тебе хватит ума.

– И все же я считал, что, имея доступ к функционированию этого корабля, понять физику Потока намного легче, – сказал Марс.

– Возможно, но мне все равно пришлось бы потратить время на ее изучение и постижение. – Шенвер постучал себя по виртуальному лбу. – Моя модель, существующая внутри этого корабля, остается по большей части человеком. Она может управлять кораблем, особо не задумываясь, примерно так же, как ты можешь дышать, не думая об этом. Но если ты хочешь, чтобы я изучил физику Потока, на это потребуется время.

– Сколько? – спросил Марс.

– Вероятно, меньше, чем кому-либо другому, но все равно больше, чем ты, возможно, полагаешь. – Шенвер показал на компьютерную модель. – А пока, может, все-таки просто скажешь, что я должен был увидеть, вместо того чтобы рассчитывать, будто я пойму сам?

– Все просто, – сказал Марс, снова запуская симуляцию. – В том, как появляются эфемерные течения, есть нечто, что не дает мне покоя, и мне нужен был кто-то еще, чтобы понять, видит ли он то же самое. Никак не могу сообразить, в чем дело. Я чувствую, что тут что-то есть, но... – Марс пожал плечами. – Одного ощущения мало.

– Есть и другие физики Потока, – заметил Шенвер.

– Они все пока далеко позади, – покачал головой Марс.

– В отличие от меня?

– Что ж, я тебя переоценил. – Помедлив, Марс взглянул на Шенвера. – Извини. Не вышло.

– Все отлично вышло, – рассмеялся Шенвер. – Я тебя понимаю.

– Будь жива Хатида, она, наверное, сообразила бы, – сказал Марс. – Эта модель по большей части основана на ее данных.

Шенвер снова посмотрел на симуляцию.

– Мне кажется, что эфемерные течения появляются случайным образом, – сказал он.

– Насколько я могу понять, так и есть, – кивнул Марс. – И время их существования тоже случайно. Для некоторых – час, для других – почти год.

– И никакой закономерности или ритма?

– Ничего, что я мог бы увидеть, и ничего, что проявилось бы в данных.

– Каковы твои ощущения? – спросил Шенвер. – Ты говорил, будто что-то чувствуешь.

– Я чувствую, что некая закономерность все же есть, – ответил Марс. – Даже не совсем закономерность, но и не нечто полностью случайное. – Он развел руками. – Не знаю, как описать словами.

– Потому что это математика? – предположил Шенвер.

– Да, но я даже не знаю, как описать это математически. Но... – Марс снова пожал плечами. – Не знаю. У меня такое чувство, что, если бы я смог понять, в чем дело, я смог бы выиграть для всех больше времени.

– То есть ты смог бы остановить коллапс течений Потока?

– Нет, я не об этом. – Марс покачал головой и показал на синие линии. Некоторые из них колебались, другие нет, но все в конечном счете исчезали. – Вероятность коллапса этих течений Потока составляет почти сто процентов. Все, что мы можем, попытаться точно его предсказать, чтобы люди успели подготовиться. С ними мне все понятно. – Он показал на красные и белые течения. – Но с этими – нет. И именно они меня сейчас больше всего интересуют.

– Почему?

Марс снова ткнул в сторону синих линий.

– Потому что они означают, что нам конец, – сказал он. – Если это все, что у нас есть, нам просто не хватит времени. Даже если прямо сейчас отправить людей на Край на всех имею-

щихся в нашем распоряжении кораблях, мы сумеем доставить туда всего несколько миллионов из миллиардов. Всех остальных ждет то же, что случилось на Даласисле.

При слове «Даласисла» Шенвер посерьезнел. Это была взаимозависимая система, Поток которой рухнул восемьсот лет назад, выбросив ее на мель и обрекая жителей на болезненное истощение ресурсов, которое шло медленно, а затем ужасающе быстро, убивая миллионы.

– И тем не менее некоторым обитателям Даласислы удалось выжить, – сказал он.

– Нескольким сотням, – уточнил Марс. – И, как ты помнишь, жилось им не так уж сладко.

– Помню.

– У нас нет времени, – повторил Марс, кивая в сторону синих линий. – Если мы хотим хоть кого-то спасти, нужно смотреть сюда. – Он бросил взгляд на красные линии. – Нужно найти больше времени. И я должен его найти. – Он снова посмотрел на Шенвера. – Вот только я чувствую, будто мне чего-то не хватает. Хотя и не знаю, чего именно.

– Может, просто не там ищешь? – мягко предположил Шенвер.

– Может быть, – кивнул Марс. – Но я не был бы хорошим ученым, если бы просто отказался от поисков.

– А время у тебя найдется? Сверх всех остальных дел?

– Я имперский страж времени, – ответил Марс. – Я должен попытаться спасти всех. Так что, думаю, найду время.

Глава 6

Императорский дворцовый комплекс на Сиани был настолько огромен, что говорили, будто имперо может посещать по одной комнате в день в течение всего времени своего правления, но все равно не побывает в каждой. Естественно, то, насколько это являлось преувеличением, полностью зависело от правления каждого конкретного имперо, будучи абсолютной истиной в отношении имперо Виктоза Первого, который пробыл таковым тринадцать дней и умер от анафилактического шока из-за случайно оказавшихся в картофельном пюре имперо-аллергика толченых грибов, и, возможно, не являясь таковой для имперо Сизанны, которая взошла на трон в семнадцать лет и дожила до ста двух, передав трон праправнуку.

На самом же деле никто из имперо не побывал в каждой комнате императорского комплекса за почти тысячелетие его существования на Сиани, космическом поселении, построенном исключительно для имперо и их двора. В дворцовом комплексе имелись не только личные покои имперо и их семей, но также жилые помещения для разнообразных министров и персонала, от роскошных апартаментов до фактически общежитий.

Императорский дворцовый комплекс являлся также местом для работы, с кабинетами, конференц-залами, аудиториями, магазинами и кафетериями, не говоря уже о складах, туалетах, спортзалах, шкафах для уборочного инвентаря и электрощитовых. В нем имелись своя тюрьма и отель (достаточно далеко друг от друга), несколько почтовых отделений как для внутренней, так и межпланетной почты, производственное помещение, а также целое крыло для службы безопасности и комнат для допросов, попасть в которое можно было, либо имея очень высокий допуск, либо совершив нечто по-настоящему ужасное, либо и то и другое одновременно.

Грейланд Вторая не совершила ничего ужасного, но, будучи имперо, обладала достаточно высоким допуском, чтобы попасть в закрытое крыло комплекса. Фактически она никогда раньше там не бывала – в ее собственных покоях и кабинетах имелись свои секретные комнаты, не только соперничавшие по секретности с вышеупомянутым крылом, но и превосходившие его в данном отношении. В любом случае, любой работавший в секретном крыле являлся к ней сам. Сегодня, однако, служба безопасности обратилась к ней с просьбой провести совещание на их территории по материально-техническим причинам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.